

Цветок предательства

Автор:

[Анна Данилова](#)

Цветок предательства

Анна Васильевна Данилова

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Кто мог желать Веронике, этому испорченному цветку, смерти?! Да, она, невероятно красивая, порочная, запуталась в себе, в своих любовниках, но за это не убивают. И все-таки наверняка ее смерть связана с тем образом жизни, который она вела. Она словно летела в пропасть, знала, что разобьется в пыль, но все равно летела, попутно увлекая за собой тех, кто ее любил. Каков мотив этого преступления? Ревность? Да, Аркадий жутко ревновал свою жену, бывшую... Но трудно представить себе убийцу в инвалидном кресле. По подозрению в убийстве задержали брата Аркадия, Максима. Следователь расспрашивал его о Веронике, о ее браке с Аркадием, о причине их развода, о цветах, которыми была просто завалена квартира убитой... А Максим вынужден был лгать, говорить полуправду, ради брата, который безумно любил свою бывшую жену...

Анна Данилова

Цветок предательства

Посвящается Елизе Ц.

«Цветы надо любить, это верно, но не следует с ними церемониться.

Эрих Мария Ремарк. «Триумфальная арка»

1. Лена

«23 марта 2015 года тело 32-летней жительницы города Москва было обнаружено в ее квартире на Цветном бульваре с признаками насильственной смерти. По данному факту Мещанского района следственным отделом Следственного комитета возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство)».

Звонок в дверь раздался в семь утра. Я уже проснулась, но еще продолжала нежиться в постели. В квартире было тепло, а в оконное стекло бросал горсти мокрого снега непостоянный март. Вот этот контраст между комфортным теплом и сырой ветреной погодой и составлял мое утреннее счастье.

Я набросила на плечи халат и пошла открывать. Заглянула в глазок. Тридцатилетняя соседка Лиза, моя ровесница, еще ни разу не беспокоила меня в такую рань. Значит, что-то случилось.

– Лиза? Привет, заходи.

Я впустила Лизу, закутанную в теплый халат, в прихожую. У Лизы были заплаканные глаза. Светлые волосы растрепаны.

– Лена, ты извини меня, что я в такую рань...

Мы никогда не были близкими подругами, и жизнь моих тихих и мирных соседей Гусаровых, Лизы и Осипа, я наблюдала со стороны. Мы с Лизой изредка вместе чаевничали, бывало даже пили коньяк, когда я сама приглашала ее к себе, маясь от скуки и одиночества, покуривали. Но вот чтобы Лиза, очень застенчивая женщина, сама пришла ко мне, да еще в такой час, такого не было никогда.

Лиза – очень миленькая блондинка с беличьими белоснежными зубками, пухлыми губками и голубыми глазами. Но при этом в ней не было приторности, легковесности, несерьезности. Умные глаза, умение слушать, интересно рассказывать, умение вести хозяйство и собственная трагичная история завершения ее карьеры музыканта – все это делало Лизу в моих глазах человеком достойным и приятным во всех отношениях. Еще, что было для меня важным, с Лизой было легко, к тому же она производила впечатление человека, которому можно довериться.

– Что-нибудь случилось?

Я пригласила Лизу на кухню, включила чайник. Лиза сначала села за стол, но потом встала и подошла к окну. Она молчала, я приблизилась к ней, заглянула в ее лицо и увидела, что слезы катятся по бледным щекам, как талый мокрый снег, что скользит по стеклу.

Я обняла Лизу за плечи.

– Ну, ну... Успокойся. Садись и рассказывай мне все как есть. Если ты ко мне пришла в такую рань, значит, у тебя беда.

Лиза повернулась и бросилась ко мне как к самому близкому на свете человеку. Я в этот момент предположила самое худшее – смерть мужа, Осипа.

– Все живы-здоровы?

– Да... Да... Извини...

Лиза вернулась за стол.

– Я мало что тебе о себе рассказывала, ты знаешь только то, что видишь, – меня и Осю. Знаешь о том, что я повредила себе пальцы и вот уже полгода как не работаю... Ты, конечно же, не знала о том, что последние десять лет рядом со мной была одна женщина, моя подруга, Валентина...

– Она умерла?

– Лучше бы она умерла... – неожиданно жестко, с металлом в голосе произнесла Лиза. – Не так давно поздно ночью я переписывалась с одним человеком, вернее, не переписывалась, а просто отправила этой семье открытку, поздравила их с десятилетием супружеской жизни. Но мне ответила не Зоя, моя знакомая, а ее муж, Егор, который в это время оказался у компьютера. Он поблагодарил меня, а потом спросил, как у нас дела. И я... не знаю даже, как это вышло, написала ему, что у нас не все благополучно, что Ося вот уже два месяца как в командировке в Петербурге, что редко звонит... Егор и Ося были друзьями, я не знаю, что между ними произошло, но они перестали общаться, перезваниваться... А я очень люблю эту семью, Зоя – прекрасный человек, и мне не хотелось бы из-за Оси терять их дружбу...

– А я и не знала, что твой Осип в командировке...

– Егор вдруг написал мне: бойся женщину, ту, что всегда рядом с вами... Она – твой самый главный враг. И тогда я спросила его, написала буквально одно имя: «Валя?» И он ответил: да.

Я почувствовала, как внутри меня оживает чувство, уже долгое время терзавшее и меня. Жгучая ревность, боль – все это заставило меня взглянуть на сидящую передо мной Лизу уже совершенно другими глазами. Еще вчера благополучная и счастливая в браке Лиза на глазах превращалась в жертву, в то болевое облако, которым была в свое время я сама.

– Твой Ося и Валентина? – я все-таки решила уточнить, хотя и понимала, что иногда вот такое озвучивание имен и слов режет, как нож.

Лиза энергично закивала головой.

2. Лена

Сначала Альбина устремилась к роще роз. Там, при последнем свете сумерек, она принялась раздвигать листву и срывать все цветы, томившиеся в предчувствии зимы. Она срывала их вместе со стеблями, не обращая внимания на шипы, она обрывала их прямо перед собой обеими руками, а чтобы достать

те, которые росли выше ее, становилась на цыпочки или пригибала кусты к земле.

Э. Золя

Я целый день потом была под впечатлением утреннего визита Лизы. Вероятно, я приняла ее историю так близко к сердцу еще и потому, что мне самой пришлось пережить почти то же самое. Предательство мужа, расставание. Правда, у меня никогда не было близкой подруги типа Валентины, которая всадила бы мне по самую рукоять нож в спину.

Я работаю в цветочном магазине. Очень люблю свою работу и не променяю ее ни на что другое. Конечно, в идеале я вижу себя хозяйкой подобного магазина, но до этого еще далеко. Это очень большие деньги, а я только-только выплатила кредиты за свою квартиру.

В сущности, я счастливый человек. Я живу в Москве, имею квартиру, практически все свое время провожу среди огромных букетов цветов, общаюсь с людьми, которые довольно часто делятся со мной своим праздничным настроением, счастьем, и мне доставляет истинное удовольствие выбирать для них цветы. Мне кажется, я начала разбираться в людях. Вернее, так я считала до того мартовского утра, когда ко мне позвонила Лиза. Как получилось, что я просмотрела Осю? Как я могла так в нем ошибиться? Конечно, я никогда не беседовала с ним с глазу на глаз, мы чаще всего просто здоровались, кивали друг другу, но я же видела его лицо, глаза, улыбку, я даже пыталась представить себе, какой он бывает дома или на работе. С Лизой – нежный и ласковый, предупредительный, веселый. На работе – вежливый, точный, работающий. Ося среднего роста, обладает спортивной фигурой и при всем этом в нем чувствуются какая-то хрупкость, изящество. Веселые карие глаза, нос с горбинкой, волосы над высоким гладким лбом. Я никогда не задумывалась над тем, где и кем он работает. И даже тем утром мы не говорили с Лизой об этом. Нас с ней интересовало другое: как могли эти двое, самые близкие ей люди, муж и подруга, предать ее. Вонзить ей в спину два мощных ножа. Р-раз! Еще р-р-аз! Получай, арфистка!

...Первый покупатель улыбнулся мне как старой знакомой. Молодой мужчина лет двадцати пяти, он покупал у меня цветы практически каждый день, для своей

девушки, которая несколько месяцев провела в больнице с сильнейшими ожогами после пожара и теперь вот готовилась к выписке. Он очень хорошо знал ее вкус, знал, что она любит цветы без подарочной упаковки (даже самой скромной, прозрачной), а потому обычно покупал бледно-розовые или белые, изредка розы персикового оттенка. Сегодня же, готовясь встретить ее после выписки, он купил совершенно потрясающий по своей красоте, оригинальности и свежести букет с нежно-розовым ранункулусом, махровыми тюльпанами, эвкалиптом, тласпи, мускари и хамелациу. Гениальное сочетание!

Вручая ему букет, я пожелала мужчине, имени которого я не знала (как не знаю имен практически всех своих постоянных покупателей), любви и счастья с его девушкой. «Лицо у нее, к счастью, не пострадало...» – не выдержав, шепнул он мне на прощанье.

Он ушел, а я смотрела ему вслед и думала, какие бы цветы он покупал (и покупал ли бы вообще) своей обожженной в пожаре девушке, если бы у нее лицо все же подгорело? Возможно, он ухаживал бы за ней с еще большей нежностью, если бы испытывал к ней подлинные чувства, а может, покупал бы цветы уже другой девушке...

Приходили две дамы, выбирали букет своему начальнику. Остановились на торжественном букете, состоящем из двадцати пяти красных роз.

Затем пришла дама лет семидесяти в шляпке и светлом пальто, купила для своей приятельницы, которой исполнилось восемьдесят лет, букет, состоящий из бледно-зеленого, желтого, сиреневого и красного лизиантуса. «Моя подруга, ее зовут Элла, вот такая же – восхитительная, нежная, неожиданная и яркая! Она много лет прослужила в театре оперетты».

Дел в магазине, помимо обслуживания покупателей, было много. Магазин наш небольшой, и когда я устраивалась на работу, то взяла на себя смелость заниматься абсолютно всем, от работы флориста до уборщицы. С цветами непосредственно я работала в конце рабочего дня, оставаясь иногда допоздна, составляя букеты и композиции, чтобы утром, открыв магазин, быть готовой к самому взыскательному покупателю. Я так организовала свой рабочий день, что успевала и принять товар, и прибраться, и полить, и подкормить цветы, и подогреть себе обед в микроволновке и даже почитать!

И моя жизнь показалась бы мне самой полной только работой, если бы не игры, которые я устраивала сама для себя, пытаюсь в каждом покупателе разгадать личность, представить себе, что это за человек, как живет, с кем, чем занимается. Я понимаю, все это глупость, конечно, потому что никакой я не психолог, тем более что история с Лизой меня в этом лишний раз убедила. Но мне нравилось общаться с людьми, рассматривать их, выслушивать, словно они приходили не только за цветами, но и просто ко мне в гости.

Я спрашивала себя, какое место в жизни людей занимают цветы и как часто обыкновенный человек, к примеру работяга или учительница начальных классов, может позволить себе купить у меня букет. И каждый раз, думая об этом, понимала, что, к счастью, мои цветы покупают люди разного достатка, и не всегда для кого-то. Иногда цветы покупаются просто для себя, в дом, чтобы они радовали, напоминали, к примеру, зимой о существовании лета, да чтобы просто поднять себе настроение. И вот для таких случаев я заказывала недорогие, но очень красивые и эффектные кустовые розочки, которые прекрасно сочетались с гвоздиками и создавали праздничное настроение.

Гелиантус... Я часто составляю букеты из полевых цветов, мелкой ромашки в сочетании с гелиантусом, декоративным подсолнухом и зеленой травой... Но я отвлеклась.

Мои развлечения. Или нет – интерес. Когда же появился у меня интерес к одному очень симпатичному и неразговорчивому человеку, о котором я так часто думала и сущность которого мне так и не удалось определить? Я уже и не помню. Сначала я не обратила на него внимания, подумала, что он приходит ко мне чуть ли не каждый день за цветами по поручению своего начальника. И не потому, что он не похож на начальника или выглядит несостоятельным, вовсе нет. Он выглядит вполне нормально, хотя я ни разу не видела его при полном параде, в костюме и с галстуком. Другими словами – он не выглядит респектабельно. Он носит уютные теплые курточки с меховым воротником, джинсы, высокие сапоги тоже на меху, а в теплое время года (осенью, весной я его еще не видела) я запомнила его в черной куртке и черных джинсах, в тонком сером свитере-поло. Все вещи добротные, дорогие и чистые. Не знаю почему, но мне кажется, что он не женат. Нет в нем той мягкости и благодушия, свойственного счастливым в браке мужчинам. Но женщина у него точно есть. Возможно, он ее добивается... Но так я думала до недавнего времени. Потом же все изменилось – мое отношение к нему, да и вообще я снова решила для себя, что ничего не смыслу в людях.

Я назвала его про себя Захаром. Ну не подходили ему имена Сергей, Андрей... А вот Захар – вполне. Быть может, потому я остановилась на этом имени, что он напоминал мне папиного друга Захара, художника, на которого немного походил мой особенный покупатель. Почему особенный? Даже не особенный, а скорее странный, загадочный.

Первые его визиты я не запомнила, обратила внимание на него перед Новым годом, когда он купил у меня корзину с двумястами и одним разноцветными тюльпанами! Понимаете, покупая такой букетище своей женщине, влюбленный мужчина не должен выглядеть таким скучающим. А тут ни намек на предстоящую радость от дарения столь роскошного букета, ни блеска в глазах, ни улыбки. Напротив – полное равнодушие или даже отвращение к процессу покупки цветов. Он был, пожалуй, единственным покупателем, столь небрежно относящимся к цветам. Повторяю, я могла бы его принять за наемного водителя или помощника начальника, на которого он работал, но подслушанный однажды его телефонный разговор убедил меня, что он сам себе хозяин. По тем фразам, что я услышала, я заключила, что он провернул какую-то очень выгодную для него сделку и что теперь налажился канал с Германией, куда «мы и дальше будем поставлять...» А вот что именно поставлять, я так и не поняла. Короче говоря, я поняла, что Захар – бизнесмен, а это сделало в моих глазах его фигуру еще загадочнее, интереснее.

Кому он покупает эти цветы? И почему так много? Почти каждый день?

Его фраза, обращенная ко мне, всегда начиналась одними и теми же словами: «нежный букет». Мне нежный букет, для девушки. Иногда он говорил: для женщины. Но никогда – для жены.

Он покупал букеты без подарочной упаковки, иногда (примерно раз в два-три месяца) корзины с цветами. Но всегда только нежных, пастельных тонов. Чаще всего покупались кустовые розы, ромашки, сирень, тюльпаны, амариллисы, анемоны и их прекрасное сочетание. Несколько раз Захар покупал вместе с цветами и шоколадные конфеты, всегда разные.

Я спрашивала себя, хотела бы я, чтобы мне дарили цветы с такой же постоянностью, но с таким унылым выражением лица, как это делал Захар, и каждый раз отвечала себе: нет! Нет и нет! Лучше уж я буду одна, без мужчины, жить для себя, создавать фантастические по своей красоте букеты и ужинать дома в полном одиночестве, только бы не такой вот

равнодушный и очень странный, себе на уме мужчина.

Я и сама не знаю, как это мне пришло в голову следить за ним. Это случилось в начале марта. Был солнечный день. Захар зашел в магазин, как всегда, утром, выбрал тюльпаны, расплатился картой и вышел.

Не помню, как я тоже оказалась на улице. Набросила на плечи куртку, заперла магазин и свернула в переулок следом за мужчиной. Похоже, я замешкалась и опоздала. Увидела, как он садится в черный «Мерседес», очень красивую сверкающую машину. Вот только не заметила в его руках, когда он подходил к машине, тюльпанов. Я по инерции сделала еще несколько шагов вдоль тротуара и, дойдя почти до того места, откуда сорвался «Мерседес», остановилась как вкопанная. Думаю, то, что я увидела в тот момент, заставило меня открыть рот. И сколько минут я так простояла, хватая ртом воздух, я не знала. Тюльпаны, пятьдесят одна штука, разноцветные, прекрасные и свежайшие, были засунуты в мусорную урну, слава богу головками вверх, но все равно!

Недолго думая, я выхватила букет и прижала к сердцу. Урна была изнутри выстлана черным полиэтиленом, а потому цветы, к счастью, не испачкались. Но это была точно урна, а не какое-то секретное место для передачи цветов, потому что на дне я увидела уличный мусор, пластиковые стаканчики, фантики от конфет, мятую сигаретную пачку...

Я помчалась обратно в магазин, унесла букет в подсобку и поставила в вазу с водой. Мне хотелось обнять эти брошенные жестокосердным человеком цветы, прижать к сердцу и даже поцеловать, так я была расстроена и взволнована.

Зазвенел колокольчик, извещавший приход покупателя.

В магазин зашла молодая женщина и принялась разглядывать цветы. Остановилась перед вазой с букетом белых и розовых фрезий. Ткнула в него пальчиком. Я взглянула на нее и увидела немой восторг: это когда у человека нет слов, чтобы выразить свое восхищение красотой!

– Отличный выбор, – поощрила я ее. – Чудесный букет.

Я никогда не спрашивала, кому и для чего предназначаются цветы, если чувствовала, что покупатель уверен в своем выборе. Зачем навязывать ему свой вкус, если он и так все знает. Вот и в этот раз я достала букет, упаковала его в бумагу, чтобы его не потрепало мартовским ветерком.

– Это я себе, любимой, – доверительно проговорила девушка, с нежностью принимая букет из моих рук. – Получила гонорар и решила вот побаловать себя. Когда еще муж вспомнит о существовании на земле цветов... ну и меня заодно...

Она улыбнулась. Я улыбнулась ей в ответ. Представила себе, как она сейчас придет домой и поставит цветы в вазу. Быть может, поцелует лепестки, как это делаю иногда, в порыве чувств, я сама, когда меня никто не видит.

Эта девушка – настоящий ценитель цветов, ценитель всего прекрасного. В отличие от этого странного Захара.

Весь остаток дня я промаялась, пытаюсь понять причину, заставившую этого человека поступить с цветами таким образом. Вариантов объяснений могло быть на первый взгляд всего два: Захар выбросил букет в урну, не желая, чтобы его увидел кто-то, кто находился поблизости от него в момент, когда он подходил к своей машине, то есть он решил по какой-то причине скрыть факт покупки цветов, а значит, он сделал это впервые; или же он делал это постоянно!

Но в любом случае я так и не смогла понять, что двигало бы человеком, ведь эти цветы он должен был просто положить в машину, что само по себе ни о чем не говорило, кроме того, что цветы куплены, то есть они могли быть предназначены для кого угодно!

Не знаю, какое чувство меня больше одолевало, любопытство или раздражение по поводу такого варварского обращения с цветами, но спрашивать Захара в лоб, зачем он так поступил, я пока еще не решалась. Конечно, задавая ему этот вопрос, я могла бы придумать, что совершенно случайно оказалась на улице в тот момент, когда он выбрасывал цветы в урну, но куда более соблазнительным показалось мне повторить слежку за ним в следующий раз.

В остальном этот день ничем не отличался от обычных рабочих дней. Я продавала цветы, придумывала новые композиции, отмывала вазы, расставляла по полкам аксессуары, принимала товар, пила кофе и представляла себе

очередную, возможно, завтрашнюю, встречу с Захаром. И вдруг в какой-то момент поняла, что видела его сегодня, быть может, вообще последний раз! Что, если он порвал, к примеру, со своей возлюбленной и больше не станет покупать ей цветы? Или, во всяком случае, до тех пор, пока в его жизни не появится другая женщина. Что ж, тогда этот его поступок, как и он сам, будет просто забыт. В сущности, кто он мне и какое мне дело до его женщин. Хотя, не скрою, Захар мне нравился. Вот только мужчин в свою жизнь я зареклась пускать. Все в прошлом, в прошлом...

Из головы не выходила и Лиза с ее трагедией. Я очень хорошо помню, каково было мне в ту пору, когда мне изменил муж. Правда, не с моей подругой, потому что подруг у меня тогда как бы и не было, а со своей коллегой по работе, но боль от этого не была менее острой.

Возвращаясь домой, я позвонила в квартиру своей соседки. Лиза открыла мне не сразу. Сначала я услышала какой-то грохот, после чего раздался лязг открываемых замков, и я увидела в темном дверном проеме шурящую от света Лизу.

– Ты чего в темноте-то? – удивилась я, понимая, что тот грохот, который сопровождал ее приближение к двери, был вызван падением какого-то предмета.

– Электричество отключили, – сказала она, обнимая себя за хрупкие плечи.

– Кто? – задала я дурацкий вопрос, потому как в моей жизни еще ни разу не происходило фатальное отключение электричества в квартире за неуплату (!), о чем я тотчас и узнала от моей соседки. Я вспомнила ее утренний визит и подумала, что, возможно, Лиза заходила ко мне для того, чтобы занять денег, но так и не решилась. Но если человек не платит за электричество, значит, у него крайне бедственное положение.

Я взяла ее за руку и потянула за собой, в свою квартиру.

– Ты почему мне ничего не сказала утром? Тебе нужны деньги? Как долго вы не платили за квартиру?

– Семь месяцев...

Я была потрясена. Я бывала в квартире Гусаровых, и если бы меня спросили об уровне достатка этой семьи, я с уверенностью сказала бы, что они далеко не бедны. Квартира забита дорогими и красивыми вещами, антиквариатом, в прошлом году они сделали ремонт, там одна плитка в ванной комнате потянет на тысячи евро!

– Лиза, что случилось? Какая еще беда свалилась на твои плечи?

Я провела ее на кухню и усадила за стол. Села напротив.

– Рассказывай.

Выглядела она очень плохо. Лицо осунулось, глаза опухли от слез, взгляд же был преисполнен боли.

– Да все очень просто. Ося попал на деньги, на большие деньги. Занял, чтобы начать свой бизнес, закупил компьютеры, но склад сгорел... Ох, Лена, так много всего произошло, что не знаю даже, с чего и начать... Просто, за что бы он ни брался, у него ничего не получалось. Проектов было много. Он пробовал заниматься запчастями для автомобилей, продажей минеральной воды, какими-то спортивными товарами, хотел открыть маленькую фабрику, которая перерабатывала бы бумагу, прессовала ее в брикеты, набирал рабочих для работы за границей, организовывал строительные бригады, вкладывал деньги в лотерею, покупал автомобили для перепродажи, даже купил старый сарай, где собирался разводить породистых собак...

– Постой-постой, но где он брал на все это деньги?

– Как где? У меня! Я ему давала! Я же хорошо зарабатывала.

Лиза – арфистка. Талантливая, работящая, предприимчивая. В течение десяти лет она успешно работала в организованной ею фирме по обслуживанию праздников, корпоративов, где играла на арфе. Ее работа всегда хорошо оплачивалась, правда, подробностей этого бизнеса я не знала и предполагала, что основной источник семейного дохода это все-таки деятельность Осипа.

– Ося? Да он практически никогда нигде не работал! – слабо отмахнулась от моих слов Лиза. – Я назвала тебе только часть его так называемых проектов... Но сейчас-то я знаю, что ничего этого вовсе и не было, никуда он ничего не вкладывал... Все эти деньги он попросту проживал со своей любовницей, они, как рассказали мне добрые люди (и продолжают рассказывать до сих пор), катались с ней за границу, где только не побывали...

– Это с твоей подругой, той самой Валентиной?

– Да, с ней. Я же с ней всем делилась. Она была в курсе того, сколько я заработала и какие у меня накопления. Я знала, что она едет, скажем, в Испанию или Турцию, в Египет или на Мальдивы, но была уверена, что она едет туда со своим любовником, она даже называла мне его имя – Толик. Какой-то бизнесмен. И как раз в это же время мой Ося тоже куда-то срывался, отправлялся то в Питер, то в провинцию, то на рыбалку на озера...

– Но паспорт-то ты его видела? Там же печати, свидетельствующие о его пребывании за границей...

– Загранпаспорт? Да я в глаза его, что называется, никогда не видела! Знала, что он есть, но мы же с Осипом никуда не ездили!

– А машина? – вспомнила я. – «БМВ», почти новая...

– Это я ему купила. Вот только сама практически никогда не ездила на ней, хотя постоянно находила в ней какие-то шоколадные батончики, конфеты... бутылку с недопитым соком, а на горлышке – следы помады... Ося объяснял это тем, что подвозил своего друга с женой... Да мало ли чего можно придумать, чтобы оправдаться?!

– А денег-то почему нет даже на оплату коммуналки? Ты же не могла отдавать ему все подчистую, ты же нормальный человек...

– Полгода тому назад Осю чуть не посадили за какие-то махинации с документами по недвижимости, кажется, они по несколько раз продавали одни и те же квартиры или что-то в этом роде... Нужны были деньги на взятки следователю, прокурору, потом и судье... Я взяла сначала один кредит, потом второй... Ну, а потом случилось это несчастье с моей рукой...

Я никогда не расспрашивала Лизу о том, каким образом она покалечила правую руку. Знала, что она прихлопнула ее дверью. И вот в этот вечер открылась правда, которая вызвала у меня бурю эмоций, шок.

– Это Ося прищемил мне руку дверью... Я купила антикварное бюро случайно, по нормальной цене... И мы не могли никому доверить его транспортировку. Я позвонила Осе, он приехал за мной в магазин, мы погрузили бюро на заднее сиденье и довезли до дома. И вот, когда уже вносили его в прихожую, Ося и захлопнул дверь... металлическую... входную... прищемил мне пальцы... раздавил, расплющил...

– Но как он умудрился, ведь он же держал бюро, у него самого руки должны были быть заняты? – недоумевала я.

– Если бы я знала... Хотя, подозреваю, что это могла сделать и Валя... Она позвонила в нашу дверь буквально спустя десять минут после того, как мы внесли бюро, когда я рыдала от боли, прижимая к себе окровавленную, с раздробленными пальцами, руку...

– Думаешь, у них был план?

– Разве теперь узнаешь? Одно знаю точно – Ося не хотел, чтобы я покупала это бюро. Он считал, что это пустая трата денег. Возможно, он, разозлившись на меня за эту покупку, позвонил Вале и в красках описал свое негодование по этому поводу. А поскольку они были сообщниками в преступлениях, направленных против меня, то, кто знает, может, приблизившись, вернее, подкравшись незаметно к нашей двери и увидев, что я уцепилась пальцами за косяк двери, придерживая другой рукой драгоценный груз, Валя взяла да и хлопнула этой самой дверью... Понимаешь, Лена, там тесно было, да и нервничала я, очень боялась, что поцарапаем бюро... Разве ж я тогда могла представить себе, что уже очень скоро распрощаюсь и с бюро, и со всем тем, что наживала всю свою жизнь...

– В смысле?

– Ты давно не была у меня, – вздохнула Лиза, и щеки ее на моих глазах ввалились, как у больной. – Квартира голая. Там нет ничего, кроме кушетки

и старого шкафа. Мне пришлось все продать. Большую часть долгов погасила, осталось по мелочи. Но и их тоже надо отдавать. Ты бы знала, Лена, как это тяжело – не спать ночами и думать о том, где бы раздобыть денег. Ведь я ничего, кроме игры на арфе, и делать-то не умею. А рука не работает, там же сухожилия повреждены так, что не восстановить...

И Лиза осторожно положила на стол изуродованную, всю в шрамах, словно с плохо пришитыми пальцами, кисть.

Я ощутила, как ее боль проникла в мой организм и холодной зябкой волной растеклась по жилам. Так бывает, если сопереживаешь, сочувствуешь человеку.

– Значит, так, – сказала я, желая немного взбодрить Лизу и направить ее мысли на что-то другое, приятное. – Хотя бы на время забудь о своих проблемах. Вот просто выключи в своих мозгах канал с мыслями об этих двух предателях, и все!

Лиза слабо улыбнулась.

– Легко сказать.

– Будем сейчас ужинать, потом посмотрим какую-нибудь комедию. Согласна?

– Зачем тебе со мной возиться?

– Я отвечу тебе вопросом на вопрос: если бы я сидела без света и хлеба, умирала бы от голода, а ты пришла бы ко мне, увидела меня в столь бедственном положении, ты бы не помогла мне?

– Разумеется, помогла бы, – ответила Лиза, и голос ее при этом дрогнул.

– Тогда давай не будем задавать друг другу дурацких вопросов, а будем просто жить. Ты, главное, не впадай в депрессию, как я в свое время. Ничего есть не могла, лежала и плакала... Так нельзя. Надо приходить в себя, заставить себя не думать о плохом...

Я принялась разбирать сумку, достала продукты, накрыла стол к ужину: спагетти с томатным соусом, вчерашний яблочный пирог, вино.

– А у меня сегодня случай странный произошел на работе... – я рассказала Лизе о Захаре. – Вот загадка, да? Как ты думаешь, зачем он выбросил тюльпаны в урну?

– Вот так сразу сказать не могу, и, вероятно, у него на это имелась причина. Но поступок на самом деле странный.

– Мне кажется, я знаю, чем ты смогла бы заниматься и чем зарабатывать на жизнь. Я собираюсь открыть свой собственный цветочный магазин, и ты помогала бы мне. Мы бы вместе его открыли, и ты была бы моей правой рукой. Я сделала бы из тебя настоящего флориста! Как тебе моя идея?

– Ты зришь в корень. Да, ты права, но сейчас это нереально. Потому что у меня нет таких денег. Да и не предвидится в скором времени. Но если бы я, к примеру, продала свою квартиру и купила другую, меньшей площади, вот тогда бы у меня все получилось.

– Продать квартиру? Ну не знаю... Кстати, а что ты будешь делать со своей квартирой? Твой Ося собирается ее отсуживать?

– Вообще-то это квартира моих родителей.

Мне неудобно было спрашивать, живы ли они, но, исходя из возраста Лизы, им могло быть за пятьдесят, но она, опередив мой вопрос, сказала:

– Я – поздний ребенок, родителей у меня уже нет...

И тогда я предложила Лизе переселиться ко мне, а свою квартиру сдавать. Чтобы она совсем уж не раскисла, чтобы ей было на что жить. К тому же я надеялась, что в скором времени постараюсь ей помочь подыскать работу.

– Но так нельзя... – вспыхнула она от моего щедрого предложения. – Я не могу вот так запросто жить в твоей квартире, не зная, смогу ли я найти работу или нет.

– Хорошо. Тогда сделаем так: чтобы тебе было комфортнее, чтобы ты не чувствовала себя обязанной, я предлагаю тебе снять у меня комнату. За небольшую плату. Ты будешь сдавать свою квартиру и снимать комнату у меня. Поверь мне, разница в деньгах будет очень существенна, ты сможешь спокойно жить и, не торопясь, подыскивать себе более-менее нормальную работу. Ты могла бы давать уроки музыки...

И тут же, вспомнив об ее искалеченных пальцах, я поспешила извиниться.

За ужином мы говорили о возможном скором переезде Лизы ко мне. Она заверила меня, что возьмет на себя все хозяйственные заботы, уборку и прочее. Мне показалось, что она воодушевилась, наполнилась надеждой.

Вино ударило в наши и без того разгоряченные планами головы, и в полночь мы с Лизой перешагнули порог ее квартиры, чтобы, хорошенько все осмотрев, решить, за какие деньги можно ее сдавать. Одно дело – находиться в квартире, любуясь на красивую мебель и посуду, другое – оценивать ее именно с этой, практической точки зрения.

Я была просто поражена, когда при свете фонарика увидела лишь голые стены. Да, Лиза говорила мне о голых стенах, но я была уверена, что это все-таки не совсем так, что она преувеличила, однако только в одной комнате я увидела кушетку и шкаф, и все! Даже кухня была пустая. А еще недавно там стоял очень красивый итальянский гарнитур.

– Я дам тебе кое-что из мебели, чтобы квартирантам было где спать. А еще лучше найти таких жильцов, которые въехали бы со своей мебелью. Ладно, пошли отсюда, тебе не надо здесь находиться... «...ты можешь здесь окончательно свихнуться...» – так и вертелось у меня на языке.

Лиза, вероятно, понимая это и подчиняясь мне, покорно покинула квартиру.

Я постелила ей в гостиной на диване, пожелала спокойной ночи, вернулась на кухню и всплакнула. Так мне стало ее жаль, сил нет! Ладно, узнать, что твой муж изменяет, это случается сплошь и рядом. Но эти двое покалечили Лизу, я была уверена, что оказавшаяся не случайно рядом с квартирой ее подруга Валентина, может, поначалу и не собиралась причинять ей увечья и заявила исключительно для того, чтобы хотя бы внешне поддерживать с ней дружеские

отношения, как бы пустить ей в лицо очередную порцию «дружеской» пыли: вот, мол, и я, шла мимо, заглянула на огонек. А когда, приблизившись к двери, увидела незащищенную драгоценную ручку арфистки на косяке металлической двери, не выдержала и от переизбытка неприязни к сопернице (успешной, талантливой, красивой и богатой) шарахнула по ней дверью! Какая же она мразь, гадина!

Я помыла посуду, допила вино из своего бокала и пошла спать.

3. Захар

Она сказала, что ненавидит меня за то, что я такой, какой есть. Что она готова застрелить меня, зарезать, отравить из-за моего благородства, что я раздражаю ее так, как никто другой.

Понятное дело, будь она трезвой, вряд ли вела бы себя так по отношению ко мне. Но трезвой я видел ее все реже и реже. И не сказать, что она много пила, нет, но без капли коньяку уже не могла. Иногда мне казалось, правда, что она наливает себе коньяк в рюмку не ради самого коньяка, а ради вида хрустальной рюмки с золотистой жидкостью, которую она любит разглядывать на свет. Что эта рюмка с золотым коньяком стала частью ее нежной руки.

То, что происходило с нами, иначе как полным бредом назвать было нельзя. Люди не должны так жить, так мыслить, так чувствовать, наконец. Это извращение. Болезнь.

Однако я каждый день приходил к ней и вручал цветы. Иногда букет был с запиской, но чаще всего – нет. Первое время я почти каждую неделю покупал ей по вазе. Понятное дело, что ваза должна была быть невероятно красивой, роскошной и дорогой. Квартира Вероники была сплошь заставлена вазами с цветами. И моей обязанностью было каждый день напоминать ей о том, чтобы она сменила воду, выбросила отжившие свой короткий век цветы... Домработницы в доме не было. Принципиально. Хозяйка слишком ценила свое спокойствие, уединение и свободу, а потому о том, чтобы по комнатам расхаживала какая-то тетка или девка с пылесосом, и речи быть не могло.

Каждый раз, увидев меня с букетом в руках, Вероника, кутаясь в свой любимый шелковый темно-вишневый халат, только разводила руками или многозначительно крутила пальцем у своего виска: мол, куда еще цветы? Но я с видом жертвы тоже лишь пожимал плечами. А что мне еще оставалось делать?

– Ты бы зашел, выпили бы кофейку, – она часто предлагала мне пройти и остаться. Но я знал эти ее штучки. Если бы я прошел, то уже через мгновение ее темно-вишневый халатик был бы на паркете, а Вероника демонстрировала бы мне свое белое нежное тело, едва прикрытое прозрачным бельем, или вообще голая бросилась бы меня обнимать, прижимаясь ко мне всем своим теплым телом.

Она была ненасытная, нахальная, дерзкая, нервная, соблазнительная, откровенная, скрытная, ласковая, жестокая, нежная, прекрасная. И только я знал, какую ненависть она вызывала во мне одним своим существованием.

Я ненавидал ее так, что много раз мысленно раздавливал своими сильными пальцами ее тонкую шейку. И она, зная об этом, пользуясь случаем, когда я бывал на расстоянии вытянутой руки от нее, хохотала мне в лицо, обдавая меня ароматом коньяка или конфет, показывая мне свои белые крепкие зубки, а потом, хватая меня за галстук, за ворот рубашки или свитера, тянула на себя, ложилась иногда прямо на ковер, а если повезет, на диван в гостиной, под меня, потерявшего равновесие, и хватала, щипала за чувствительные места, заглядывая мне в лицо и продолжая хохотать.

Она была очень опасной, очень. Но что я мог поделать?

После четырех мне не позволялось даже звонить в ее дверь. С этого часа и до утра было время Вероники. Она принимала мужчину, запиралась, зашторивала окна, и один дьявол знает, чем она там, внутри своего алькова, занималась. В те же дни, когда она проводила вечера и ночи в одиночестве (все это тщательно отслеживалось), она просто красиво бездельничала, занимаясь собой, ухаживая за своей кожей и волосами, смотрела фильмы, слушала музыку, танцевала, с кем-то подолгу разговаривала по телефону, ну и пила, конечно. Скайп она презирала, считала, что это одно из самых худших и опасных изобретений человечества, что скайп – это чужой глаз, который подсматривает за жизнью человека, нахально и без предупреждения вторгается в чужой мир, заставляя людей врасплох, и заполняет собой личное пространство.

Всякий раз, когда она открывала мне дверь, я делал вид, что в ее квартире очень душно от цветов. И когда она пыталась мне сказать что-то, я, не слушая, просто отодвигал ее от себя, как живую изящную куклу, проходил в гостиную или даже в спальню и, какое бы время года ни было, распахивал окна и непременно раздвигал шторы, словно мне не хватало свежего воздуха, глотал его из раскрытого окна как холодную воду.

Она злилась в такие минуты, пыталась остановить меня, хватала за руки, за плечи, повисала на мне, легкая и цепкая, как красивое большое растение, но я освобождался от ее рук-стеблей и делал свою работу.

Я знал: первое, что она сделает после моего ухода (а мои визиты длились всего-то несколько десятков секунд!), – это закроет окна. А вот про шторы может и забыть. Особенно днем, когда подсознательно будет уверена, что ее все равно никто с улицы не увидит. И лишь это было важно для меня, лишь это.

Она любила меня, Вероника, но встречалась с другими мужчинами, играя с ними в опасные игры, подменяя свою любовь ко мне ложными ласками пахнущих бензином рокеров, голодных студентов, молодых и горячих, под хмельком, офицеров, чистеньких клерков и даже старшекласников. Однако постоянным ее любовником, о существовании которого я знал, был старик. Очень богатый. И это просто удивительно, что он никогда не бывал в ее квартире. Она сама ездила к нему за город на купленном на его деньги «Инфинити». Вот интересно, что бы он сказал, увидев ее квартиру, превращенную в филиал цветочного магазина? Или магазина ваз? И как бы она ему все это объяснила? Хотя ничего бы она ему не объясняла. Она не такая.

Любовь. Ее любовь сродни яду.

– Останься, – она смотрит мне в глаза, и меня пробирает оторопь. – Прошу тебя. Не дай мне погибнуть.

Ее гибель в постели с очередным любовником, и она это отлично понимает. Ничто так не выхолащивает женское естество, как вечно меняющиеся партнеры. Словно Веронику, как золотой коньяк, разбавляют водой. Один к ста.

«Я ненавижу тебя», – отвечают мои глаза, и она читает это по ним. Она все знает и понимает.

«Когда-нибудь я не выдержу и убью тебя», – я смотрю в ее глаза, и эта угроза проваливается в темноту ее порочного взгляда. Она не верит мне и пьяно ухмыляется.

«Я люблю другую женщину», – я продолжаю ее ранить своими мыслями, как лезвиями.

«Ты врешь», – отвечает она, полоснув по моему сердцу.

А я люблю цветочницу. И звать ее Елена.

4. Лена

Утром я старалась не шуметь, чтобы не разбудить чудом уснувшую после всего пережитого Лизу. Выпила кофе, оставила на столе деньги, чтобы она заплатила за квартиру, и записку, в которой пожелала моей новой подруге доброго утра и позитива.

Разбирая цветы в магазине, за полтора часа до открытия, я вдруг подумала о том, что могла бы предложить Лизе продавать на улице или у метро небольшие букетики, составленные из слегка подпорченных (сломанных), но свежих цветов. Вместо того, чтобы выбрасывать этот цветочный сор, Лиза могла бы на них зарабатывать, пока ей не подвернется работа. Дешевые букетики из ирисов, ромашек, гвоздик, мелких роз, хризантем и анемонов в сочетании с зеленью раскупались бы мгновенно студентами, пенсионерами. Меня интересовало, не постыдится ли Лиза поработать цветочницей? Сможет ли преодолеть себя? Ведь еще недавно она, одетая, как принцесса, в длинных воздушных платьях была украшением многих праздников, игра на арфе возвышала девушку над такими понятиями, как ущербность, бедность, унижение, страх...

– Лиза? Доброе утро! – я позвонила ей. – У меня есть идея. Ты могла б приехать ко мне в магазин? Конечно, после того как заплатишь за свою квартиру...

Лиза заплакала в трубку, поблагодарила меня за оставленные мною деньги и пообещала вернуть долг.

Я так увлеклась составлением крохотных и почти ничего мне не стоящих в денежном выражении букетиков, что опоздала с открытием магазина на четверть часа! Каково же было мое удивление, когда первым моим посетителем, все это время наверняка поджидавшим меня на крыльце, был загадочный Захар.

Возможно, мне показалось, но он прятал от меня взгляд. Словно знал, что я владею его цветочной тайной.

– Мне вот эти красные герберы, – сказал он, ткнув в букет ярких с неестественно четкими линиями лепестков гербер.

Я кивнула головой и принялась упаковывать их в бумагу.

– А зачем вы их упаковываете? – спросил Захар. – Мне же только донести до машины.

Затем, мысленно ответила ему я, чтобы они не перепачкались и не повредились, когда вы будете швырять их в мусорный бак!

– Ох, извините, я думала, что так будет лучше.

– Хотя... Может, вы и правы... Неизвестно еще, когда они попадут домой.

Ну вот, наконец-то я услышала хоть что-то. «Неизвестно еще, когда они попадут домой». Значит ли это, что он покупает их для своей жены? Но если это так, то его квартира должна бы уже превратиться в оранжерею! Вернее, в цветочный магазин! Хотя... С чего это я взяла, что он отвезет их к себе домой? Может, под домом он подразумевает дом возлюбленной?

Я упаковала букет, положила на прилавок, но мой покупатель не собирался уходить. Он подошел к окну, где на мраморном столике были расставлены вазы и корзины с самыми дорогими композициями. Его внимание привлекла корзина с ландышами, как будто растущими из зеленого кудрявого мха.

– А еще мне вот эти ландыши, – сказал Захар, поворачиваясь ко мне, и я заметила, как порозовели его чисто выбритые щеки.

– Вы извините меня... – мне кажется, я тоже покраснела. – Вы видели цену? Тридцать тысяч рублей...

– Да, конечно! Вот, – он проворно достал из кармана куртки портмоне, извлек оттуда банковскую карту и протянул мне. – Пожалуйста.

Я провела платеж, выдала ему чек и направилась к столику, чтобы взять корзину. Но тут случилось невероятное. Захар остановил меня, прикоснувшись к моей руке. Его ладонь оказалась теплой. Он задержал мою руку и шепнул мне тихо, поскольку в эту самую минуту дверь магазина открылась, о чем оповестил звон колокольчика, и вошел новый покупатель:

– Это вам.

Я даже испугалась. Подумала, что мне слышались его слова.

– Эти ландыши – вам. Пожалуйста, не продавайте их никому, отнесите домой. Это мой вам подарок.

И, схватив пакет с герберами, он вышел из магазина.

Как бы мне хотелось выйти за ним, чтобы проследить, что он сделает с цветами на этот раз, но в магазине был посетитель и его надо было обслужить. Радость от подарка я отложила на потом, когда, оставшись одна, смогу сполна ею насладиться.

Покупатель, молодой мужчина, вероятно, тоже спешил (как и я), а потому, быстро выбрав букет красных роз, расплатился наличными и покинул магазин. Я вышла следом за ним, заперев дверь на ключ, двинулась по уже известному

мне маршруту, свернула на нужную улицу, осмотрелась в поисках интересующего меня автомобиля, но не нашла его. Подошла к урне, заглянула в нее и, увидев коричневую оберточную бумагу, почувствовала, как волосы на моей голове шевелятся. Словно я увидела там труп!

У меня всегда так. Когда я вижу нечто, чего не могу объяснить, то мой организм реагирует бурно. Я покрываюсь мурашками, у меня начинает кружиться голова, мне становится нехорошо.

Так случилось и на этот раз. Я оглянулась – улочка была пустынна, достала из урны запакованный букет и быстро вернулась в магазин.

Я недоумевала, и даже забыла на время о подаренной мне корзине с ландышами!

Какой-то бред! Какая бессмыслица! Зачем было выбрасывать такие прекрасные герберы?! Где, где смысл во всем этом?

Я была возмущена предельно! Задумавшись, я вернулась к своим обязанностям, принялась орошать цветы, протирать стекла, словом, мне надо было себя чем-то занять.

К счастью, меня основательно отвлекли еще несколько покупателей, которые за полчаса сделали мне, по сути, дневную выручку!

В половине двенадцатого вновь звякнул колокольчик.

– Можно? – в магазин вошла, нерешительно ступая, Лиза. Джинсы, курточка, белый берет. Она раздурманилась и показалась мне хорошенькой. Можно себе представить, какой красавицей она смотрелась на сцене, в концертном наряде, когда нежно перебирала струны арфы...

– Входи, конечно! Ты завтракала?

Она улыбнулась.

- Ясно. Не завтракала, помчалась сразу платить за квартиру, так?

- Так. Спасибо тебе, Лена.

- Да ты уже сто раз меня поблагодарила. Пойдем в подсобку, покажу тебе, что я придумала!

И я рассказала ей о своей идее с букетами. Реакция Лизы была удивительной.

- И ты еще сомневаешься, соглашусь я или нет? Да, конечно! Я бы и подъезды мыла, если бы этих денег хватало на скромное существование!

- Ну, уж подъезды мыть мы не станем, а вот свою квартиру тебе надо будет приготовить к сдаче. Надеюсь, ты не передумала?

- Разумеется, нет! Ой, какие симпатичные и нежные букеты! И сколько стоит один такой?

- Двести пятьдесят, а тот, что покрупнее, - триста. По-моему, вполне нормальная цена, а? Ты как считаешь?

- Думаю, да. Я могу прямо сейчас начать?

- Нет-нет, сейчас мы с тобой пойдем обедать, а уж потом, на сытый желудок примемся за работу.

Тут взгляд Лизы упал на корзинку с ландышами. Она подошла и окунула свое лицо в душистые цветы.

- Боже мой, какая красота! Просто невыносимая! А аромат!..

И не успела она это проговорить, а я - рассказать ей об утреннем визите Захара, как колокольчик известил о новом посетителе и в магазин вошел господин в светлом плаще, высокий, красивый, в котором я узнала известного актера.

Лиза, увидев его, поспешила отойти в сторону, чтобы дать ему возможность осмотреться. Он тотчас приблизился к мраморному столику с ландышами.

– Ландыши? В такую пору? – спросил актер своим характерным грудным голосом, от которого меня бросило в дрожь. Вот есть такие мужчины, которые одинаково прекрасно действуют на всех женщин без исключения. Находясь рядом с такими харизматичными, потрясающими мужчинами, женщины теряют рассудок и совершают разные глупости. – Удивительный букет! Пожалуй, я на нем и остановлюсь...

Он протянул мне свою банковскую карту, и я, ни секунды не колеблясь, провела платеж. Подумаешь, мой подарок! Ну и что? Тридцать тысяч рублей – чем не подарок? Да и актер осчастливит ландышами свою очередную возлюбленную.

– Вам запаковать?

– Да, пожалуй, корзина два часа простоит в машине, не хочется, чтобы цветы завяли.

– Можете быть спокойны – ландыши свежие и подпитываются влагой.

Он ушел с корзиной, я же подошла к кассе и, отсчитав тридцать тысяч наличными, положила деньги себе в карман. Лиза улыбалась мне. Я была уверена, что она не поняла, что сейчас произошло.

– Актер, я узнала его. Быть может, я бы и позавидовала той девушке, для которой были куплены эти прекрасные ландыши, но что-то мне подсказывает, что у него таких девушек – вагон и маленькая тележка. К сожалению.

– Желтая пресса с тобой солидарна.

С этими словами я протянула Лизе шесть пятитысячных купюр.

– Вот, держи. Считай, что эти деньги свалились тебе на голову.

- Не понимаю. О чем ты?

Я рассказала ей об утреннем визите Захара, о подарке, о выброшенных герберах.

- Ты только что продала свой подарок? Хотя... Я так понимаю тебя. Такие деньжищи... Вот только я не поняла, почему он снова выбросил цветы?

- У меня в подсобке уже два «униженных» букета, - сказала я, имея в виду и вчерашний букет тюльпанов. - Я не могу их выставить, мне кажется, что когда Захар придет в следующий раз, то непременно узнает их.

- Ты серьезно?

- Глупость, да?

- Все герберы одинаковые. Ты можешь их распаковать и поставить в воду к остальным герберам. А тюльпаны... В каком они состоянии?

- В хорошем. Кстати говоря, ты можешь их тоже взять с собой к метро и продать недорого.

Я вынесла тюльпаны, и Лиза застонала от восторга:

- Разноцветные, какие же они красивые! Постой, но сколько их здесь?

- Пятьдесят одна штука.

- И ты думаешь, что кто-то у метро купит такой букет? Может, его разделить и продавать по пять или семь штук?

Я согласилась, хотя жаль было нарушать такую прекрасную композицию. Мы договорились с Лизой, что после обеда займемся этим, после чего закрыли магазин и отправились обедать.

В кафе за куриной лапшой мы снова обсудили планы. Я все-таки уговорила Лизу взять эти тридцать тысяч и спрятать в надежном месте.

– Деньги придадут тебе уверенности. Может, тебе понадобятся какие-то лекарства или что-нибудь еще необходимое. Ты со всеми банками расплатилась?

– К счастью, да. Поэтому-то и продавала все... Все подчистую.

– И как же тебе это удалось?

– По соседям, по знакомым этих соседей, словом, обошлось без объявлений... Приехали, вывезли. Но все очень дешево. Мне было важно тогда расплатиться с долгами и сохранить квартиру. И это мне удалось. Вот только за коммунальные услуги накопилось...

– Развод официальный оформила?

– Да, мне знакомые помогли. Быстро все устроилось.

– Это очень важно.

После обеда мы с Лизой приготовили девять маленьких букетов из тюльпанов, добавили те мои одиннадцать крохотных букетиков, что я составила утром, я уложила все цветы в красивую корзинку и отправила Лизу торговать.

Я очень за нее переживала, постоянно о ней думала. Представляла себе, какие сложности ее могут поджидать у метро, если вдруг окажется, что она заняла чужое место среди «стихийных реализаторов», что ее прогонят или вообще арестует полиция. Словом, после ее ухода наш маленький бизнес в помощь оказавшейся в бедственном положении женщине показался мне чрезвычайно опасным, и я уже сто раз успела пожалеть о своей инициативе. Не выдержав и часа, я позвонила Лизе. Она сказала, что дела идут неплохо, но ей пришлось уехать на одну из конечных станций метро, где ей будет поспокойнее.

Главное, подумала я, ее не «замели», она на свободе.

К вечеру мои нервы были на пределе. Я даже вышла из магазина, чтобы выкурить сигарету (что делаю довольно редко), как вдруг столкнулась лицом к лицу с Захаром!

Первой моей мыслью было, что он пришел, чтобы проверить, оставила ли я в торговом зале ландыши. Быть может, поэтому я почувствовала, как покраснела. Я уже подготовилась, чтобы солгать дарителю, сказать ему, что цветы я отвезла домой. Но он, к счастью, про них даже и не вспомнил.

– Вы извините меня... – начал он нерешительно. Приблизившись ко мне, он дал мне возможность хорошенько рассмотреть его. Очень милый, с какой-то спокойной красотой человек. И глаза почему-то грустные. – Вас зовут Елена?

Он скользнул глазами по бейджику, приколотому к моей блузке, где значилось: «Флорист Елена».

– Да. Что-нибудь хотите? – я имела в виду цветы, хотя что-то подсказывало мне, что он зашел в магазин совершенно по другому поводу.

– Я хочу познакомиться с вами поближе, – совсем уж растерявшись, проговорил он.

– А... зачем?

– Если вы замужем... – лицо его моментально стало розовым.

– Нет, я не замужем, – поспешила я его зачем-то успокоить. Мне его в ту минуту было даже жаль. Все-таки он решился сказать что-то очень важное для него, раз пришел ко мне. – А вы?

– Я тоже не женат.

«Тогда кому же вы покупаете охапками цветы?» – хотелось спросить мне его, но я, конечно же, промолчала.

– Лена, вы не согласитесь поужинать сегодня со мной?

И я, которая часа три уже как не находила себе места, переживая за Лизу, как-то уж быстро согласилась!

– Хорошо.

– Куда мне за вами заехать? Вам же нужно... переодеться...

– Я живу здесь, рядом с метро «Цветной бульвар».

– Отлично! И я тоже живу в этом районе. Ресторан «Пикколино» знаете?

– Да, это неподалеку от чайного магазина...

– Правильно! Так куда мне за вами подъехать?

– Я живу на Петровском бульваре и смогу дойти пешком.

– Тогда в восемь в ресторане?

– Хорошо. А вы где живете?

– Недалеко от Трубной площади.

Что ж, все правильно. Он живет поблизости от моего магазина, поэтому и цветы покупает у меня.

– Значит, договорились?

– Договорились. Пойдите. А вас-то как зовут? Вы же не представились!

– Ох, извините... Максим. Но меня все зовут Максом.

«А я дала вам имя Захар», – ответила я ему мысленно.

– Очень приятно, Максим.

Он кивнул головой и быстрыми шагами ушел.

Я облегченно вздохнула. Сама не понимаю, чего это я так разволновалась. Подумаешь, мужчина пригласил поужинать. Это еще ни о чем не говорит. Во всяком случае, ни к чему и не обязывает. Я сама могу за себя заплатить, и тогда уж точно возьму все в свои руки. Подумаешь, ужин...

Дверь распахнулась, и на пороге появилась сияющая Лиза.

- Ты где свой берет потеряла? - спросила я, окидывая ее взглядом. - От полиции бежала?

Корзины-то при ней тоже не было!

- Нет, ни от кого я не бежала! Просто быстро от метро сюда шла. Лена, я все продала! И выручила много денег! Целое состояние!

- И как же это тебе удалось?

- Первые пять букетов продала, как полагается, по одному. А все остальные у меня купила перекупщица, заодно и корзину купила, уж не знаю, сколько она стоит, но я продала за пятьсот!

- Итого?

- Одиннадцать тысяч с копейками!

- Отлично! Bravo! Ты заработала эти деньги, они - твои!

- Лена, но так нельзя... Это цветы из твоего магазина, и ты составляла эти маленькие букеты. И идея твоя и вообще все твое, я просто у метро постояла, подпирая стенку, потом меня случайно увидела тетка-перекупщица... Мне просто повезло! Я могу взять себе тысячу, от силы - две, и все!

Разговаривая, Лиза прошла в подсобку и налила себе воды, напилась, отдышалась.

– Вот скажи мне, – я встала у нее за спиной. – Если бы мы поменялись местами и это ты работала в цветочном магазине и у тебя была бы возможность подзаработать денег такими вот простенькими букетиками, а я, твоя соседка, испытывала бы жгучую нужду, ты бы помогла мне или?

– Хорошо, – она повернулась ко мне. Взгляд ее словно отражал все те страдания, которые ей пришлось пережить за последние дни или даже месяцы. Взгляд разочарованного и преданного близкими людьми человека. – Хорошо, я возьму эти деньги. Я даже знаю, на что их потрачу. Но при условии, что когда-нибудь я обязательно тебе их верну.

– Когда разбогатеешь, – я улыбнулась ей. – Вот накопим денег и купим магазин. Очень уж не хочется тратиться на аренду.

– Ну ладно... – она тоже в ответ улыбнулась. Улыбка вышла задумчивая.

– Послушай, вот здесь, на диванчике, ты могла бы немного поспать, отдохнуть, а часа через два пойдем домой. Согласна?

– Нет, Лена. Я сейчас поеду домой и подготовлю квартиру к сдаче. Если мне к тому времени включат свет, я попробую дать объявления о сдаче квартиры или позвоню в агентство по недвижимости. Все-таки лучше с жильцами составить договор. Мало ли что... Лена, ты не представляешь себе, как я тебе благодарна за все!

Глаза ее увлажнились.

Я же рассказала ей о предстоящем свидании с Максимом.

– Свидание? – уголки ее губ опустились. – Не мое это, конечно, дело, но я уже заранее испытываю к этому мужчине неприязнь.

– Из-за цветов?

– Да из-за всего. Смотри сама: он покупает у тебя почти каждый день цветы для какой-то женщины (мужчину мы исключаем, так?), а сегодня пригласил на свидание тебя. Еще эти букеты в урне...

- Кстати! Вот герберы, которые он выбросил. Ты бы забрала их домой.

- Как? Зачем? Продай их.

- Поставь в вазу, квартиранты придут, увидят...

- Лена, но у меня нет вазы.

- Как это? Ты что, вообще все продала?

- Абсолютно. У меня не было простых ваз. Они все были дорогие, очень красивые. Некоторые я выписывала по интернету из Франции, Англии... Соседка, Антонина Макаровна, артистка наша, ты ее знаешь, она все и купила.

- Ну, хорошо, тогда зайди ко мне и поставь в одну из моих ваз.

Я все никак не могла привыкнуть к мысли, что Лизе пришлось продать ну абсолютно все!

Лиза ушла, я же вернулась к своим делам. И все то время, что оставалось до свидания, спрашивала себя, зачем я на него согласилась. Ведь решила же, что больше никогда не впущу в свою жизнь мужчину. Однако это же просто ужин.

5. Лиза

Я не лукавила, когда говорила Лене о том, что все продала. Больше того, видела бы она, как я радовалась этим продажам и желающим у меня что-то купить. Я складывала деньги, постоянно пересчитывая их и прикидывая, сколько еще осталось, чтобы расплатиться с очередным долгом.

Все отдавала за бесценок. И никто не знает, как все внутри меня плакало и корчилось от боли, когда из моей квартиры выносили милые сердцу вещицы, все, вплоть до вышитых итальянских скатертей и диванных подушек! Квартира,

которую я так любила и с таким удовольствием украшала красивейшими вещами, выглядела, как женщина, которую ограбили и раздели донага. А сейчас мне предстояло еще и сдавать ее чужим людям. И кто знает, кто будет жить в ней, какие люди. Будут ли они бережно относиться к прекрасным французским обоям, дорогой плитке? А паркет... Что будет с моим паркетом? Изуродуют каблуками, прольют что-нибудь несмываемое...

Но тяжелее всего я переживала, конечно, из-за предательства мужа и Валентины. В итоге – бессонница и нежелание жить. Как жить, зачем жить, если самые близкие и любимые люди насмехались надо мной, да просто хохотали в голос, обманывая меня во всем!

Быть может, я бы так и угасла, заболела, к примеру, от всего навалившегося на меня, если бы не Лена. Чужой, в сущности, человек, она приняла во мне такое участие, что крылья мои вновь расправились, стало легче дышать. И не потому, что в кармане моем появились деньги и квартира ожила, когда электричество включили, нет, просто я снова поверила в людей.

Отрезала все то, что мешало мне жить и чувствовать, оставила это в прошлом и теперь смотрела только вперед.

Цветочный магазин? Почему бы и нет? Теперь, когда я не играю на арфе, когда у меня нет возможности зарабатывать на хлеб музыкой, я могла бы работать вместе с Леной в цветочном магазине. Конечно, к продаже своей квартиры я была не готова, да об этом, слава богу, и речи пока не велось. Но если понадобится, для дела, для жизни, то почему бы и нет? Квартира большая, стоит дорого, можно продать, купить поменьше площадью, а разницу в стоимости вложить в покупку магазина.

Тот день, когда я впервые продавала цветы, мне не забыть никогда. Что-то со мной случилось тогда, словно заработала еще одна пара легких и забились еще одно сердце. И будущее показалось светлой, освещенной солнцем картинкой. Какая-то легкость появилась в восприятии всего происходящего. Быть может, особую роль сыграли сами цветы?

Вернувшись с герберами домой, я, воспользовавшись ключами Лены, открыла ее квартиру, выбрала невысокую, толстого стекла вазу, налила в нее воды

и поставила цветы. Лепестки ярко-красных гербер заиграли на стекле, переливаясь, делая и воду цветной. Я сбегала к себе, принесла коробку акварели, оставшуюся у меня еще со студенческих времен, когда я увлекалась живописью, кисти, нашла небольшой лист бумаги и принялась рисовать. И так увлеклась, что очнулась, когда стемнело. На мокром листе дрожали лепестки гербер, прозрачная вода отразилась на бумаге... Это было волшебство. Когда цветы завянут, мои, акварельные, будут такие же свежие и яркие...

Я взглянула на часы – с минуты на минуту должна вернуться Лена. Я унесла рисунок домой и принялась за уборку. И вдруг поймала себя на том, что все мои мысли, связанные с моим прошлым, на самом деле остались где-то далеко, за спиной, и что я все время думаю о Лене и о предстоящем ее свидании. Максим. Кто он такой? И кому покупал цветы? Ведь если покупал так много цветов и так часто, значит, женщина у него какая-то особенная. Но какая? И зачем, если она у него есть, он пригласил на свидание Лену? Может, та женщина больна и прикована к постели? Но тогда куда же он ставит такое количество цветов? Расставляет по полу в вазах?

Вернулась Лена.

– Я перебралась к тебе, – сказала я, прижимая к груди подушку. – Квартира чистая, ее можно показывать.

– Вот и хорошо! – улыбнулась она мне. – Осваивайся. Не стесняйся. Поужинай и отдыхай. Компьютер и телевизор в твоём распоряжении. Тайн у меня никаких нет, пароль на компьютере – раз, два, три, четыре, пять. Вот и все!

Приняла душ и принялась наряжаться. Вышла из спальни в черно-белом узком платье, подчеркивающим фигурку. Алые губы, красиво уложенные каштановые волосы.

Мне так и хотелось сказать ей: будь осторожна!

– За меня не переживай, – вдруг сказала она мне, словно прочтя мои мысли. – Все будет хорошо. Я сама заплачу за свой ужин.

Я поняла, что она хотела этим сказать.

– В конце концов, он мой постоянный клиент и наш ужин можно воспринять как деловой. Ну кто мне еще мог бы подарить ландыши за тридцатку? Никто. Что ж, каждый сходит с ума по-своему. А так мы заработали на нем неплохие деньги. Что скажешь? Права я или нет?

– Главное, чтобы он был психически здоровым, – заметила я. – Присмотрись к нему, и если почувствуешь, что он не в себе или заметишь в его глазах безумие, беги.

– Да, я так и сделаю. Ну что ж, мне пора!

Я проводила ее до двери. Она ушла, и в квартире стало как-то очень уж тихо. Я спокойно, не спеша, приняла ванну, легла в постель и сразу уснула.

6. Максим

Все это она делала с такой торопливостью, что ломала даже ветки, а ведь прежде она с уважением останавливалась перед самой малой былинкой. Вскоре она набрала полные охапки роз и даже зашаталась под тяжестью своей ноши. Она вернулась в павильон лишь после того, как опустошила всю рощу, захватила все, вплоть до упавших лепестков. Свалив свое цветочное бремя на пол комнаты с голубым потолком, Альбина снова поспешила в цветник.

Э. Золя

– Рекомендую пасту с морским гребешком, – сказал я, отчего-то боясь смотреть в глаза очаровательной Елене.

Выглядела она потрясающе. На ней было облегающее платье, черно-белое, подчеркивающее ее пышную грудь и тонкую талию. Я и прежде подозревал, что у нее большая грудь, когда пытался разглядеть Елену в магазине, но блузки она всегда застегивала почти на все пуговицы или же поверх своей милой, женственной одежды надевала зеленый халатик, который просто трещал

по швам именно в этой части ее тела. Не скажу, что я уж больно зацикливаюсь на женской груди, я всегда воспринимаю женщину целиком, со всеми ее прелестями, но вот в случае с Еленой мне приходилось трудно не смотреть на ее ложбинку между грудями, в то время как моя фантазия рисовала это прекрасное белое тело без одежды. Я хотел бы видеть ее каждый день, в своем доме, хотел бы, чтобы мы вместе пили кофе по утрам, чтобы она говорила мне «спокойной ночи», чтобы мы вместе с ней смотрели вечерами телевизор и чтобы моя голова лежала на ее теплых коленях. Я видел ее своей женой, в то время как она, вероятно, была уверена, что у меня великое множество любовниц, с которыми меня связывают очень сложные, замешанные на моей вине перед ними отношения, раз я так часто покупаю для них цветы. Покупать цветы в другом магазине я не хотел, пусть будет хорошая выручка в ее магазине. К тому же если не покупать цветы у нее, то как объяснить, почему я так часто там бываю?

Безусловно, я ждал ее вопросов. Хотя подготовиться так и не сумел. Вариантов ответов могло быть много. И все же один представлялся мне наиболее подходящим.

«Я покупаю у вас цветы исключительно потому, что это дает мне право видеть вас». Но тогда она наверняка спросит, а куда же я потом деваю эти роскошные и дорогие букеты. «Да никуда, выбрасываю их», – отвечу я, тем более что в последнее время так и было. Мне стало уже противно заявляться к Веронике с цветами, мои визиты выглядели гротескными, безумными. Да к тому же ее квартира просто ломилась от букетов! Но я продолжал покупать цветы, собирал чеки и продолжал играть весьма странную роль во всей этой безумной истории.

Знал ли я, что развязка близка? Я чувствовал это. Чувствовал, что должно произойти что-то невероятное, что повлечет за собой мощный, почти атомный по силе эмоций, взрыв, и боялся этого.

Сейчас же, в этом устоявшемся эмоциональном затишье, мне хотелось заняться устройством своей личной жизни, хотелось любви и нормальных человеческих отношений. Я был уверен, что имею право на это.

Вот и пригласил Лену в ресторан. После такого изысканного подарка, ландышей, решил я, она просто не посмеет отказать мне поужинать со мной. И оказался прав. Хотя в отношении Елены, этого нежного и прелестного цветка, я был

уверен, что она согласилась бы на свидание со мной и после скромного букета из ромашек и васильков.

Сказать, что я был спокоен, когда входил в ресторан, – это обмануть прежде всего себя. Я нервничал. Нервничал как человек, вернувшийся из ада сложнейших человеческих отношений, в котором пребывал вот уже больше года и выхода из которого я пока не видел.

Я сидел за столиком, поджидая Лену, и барабанил пальцами по белой накрахмаленной скатерти. Прежде, когда я бывал в этом ресторане один, мне казалось, что я зашел в гости в итальянский дом, в семью, мне было здесь спокойно и уютно. Я заказывал вкусную еду, насыщался и возвращался домой в каком-то расслабленном состоянии. Сейчас же я вдруг понял, что не могу есть.

– Хорошо, я согласна на пасту с морским гребешком, – сказала Елена и скользнула по мне взглядом. Она тоже, видимо, хотела рассмотреть меня, но не решалась.

Подошел официант, налил нам вина. Я очень надеялся, что вино сделает свое волшебное дело, сблизит нас. Или, во всяком случае, позволит нашим нервам немного отпустить нас.

Я зачем-то спросил ее, кто хозяин магазина, в котором она работает. И сразу же пожалел об этом. Как будто заранее знал, что хозяйка – не она. Словно она не выглядит, как хозяйка.

– Магазин не мой, но надеюсь, что в скором времени у меня будет собственный магазин, – ответила она, и лицо ее сразу как-то просветлело. – А вы чем занимаетесь?

– Резьба по дереву.

– Как интересно! Очень редкая профессия. И что именно вы вырезаете?

– Много чего. У меня производство, работают люди, интересные люди, талантливые.

– Фигурки разные, да? Вы извините меня, но я имею самое туманное представление обо всем этом.

– Не только фигурки. Декорирование мебели, деревянных стеновых панелей, карнизов, резные накладки, консоли, карнизы, углы, розетки...

– И все это – ручная работа?

– В основном ручная, но есть и машинная, когда нужно, чтобы узоры были одинаковыми, для мебели, к примеру...

Я долго рассказывал ей про свою работу, о том, какую породу деревьев мы используем, куда и кому продаем, кто наши постоянные заказчики, но я понимал, что Лену не так уж сильно занимает эта тема, просто она воспользовалась случаем хоть что-то узнать обо мне.

– Хотела вас спросить, – вдруг произнесла она, и я напрягся. Вот сейчас она спросит меня о цветах.

– Да, слушаю.

Она смутилась, покраснела. Потом бойко так, словно очнувшись, вернее, поймав случайно пришедшую на ум удачную тему, быстренько перевела свой назревавший и неприятный для нее вопрос в другую плоскость.

– Понимаете, моя подруга... соседка... Она сдает свою квартиру. Очень хорошую квартиру, просто роскошную, правда, без мебели. Хотелось бы, чтобы там жили приличные люди. У вас нет на примете желающих снять квартиру? Это здесь, недалеко от Цветного бульвара. И дом хороший, и квартира, я уже говорила...

– Ваша соседка, говорите?

– Да. Лиза...

Учитывая все обстоятельства, а именно, что мне пришлось покинуть собственную квартиру, а в моем новом загородном доме всю шел ремонт, и то что я сам снимал жилье в этом же районе, я согласился. Быть может, я бы

и не обратил внимания на это предложение, если бы не факт, что женщина, сдающая квартиру, – соседка Лены.

– Соседка ваша, говорите? – переспросил я на всякий случай.

– Да. Дверь в дверь.

– Так, может, я сам сниму ее?

– Вы?

– Я строю дом за городом и временно снимаю квартиру здесь неподалеку. Может, это судьба – снять квартиру рядом с вами? – я замер, внимательно наблюдая за реакцией Лены. Щечки ее покраснелись, словно у нее поднялась температура.

– Что ж... Дело не в том, судьба это или нет, просто мы с Лизой будем спокойны, что в ее квартире не станут выращивать редиску или жарить на паркете шашлык... Ну, вы меня понимаете.

– Обещаю, что не стану делать ни того, ни другого. Разве что буду приглашать вас время от времени к себе в гости – на чай или вино.

– Получается, что мы договорились? Ох, я же не назвала вам цену.

– Сколько комнат?

– Четыре. И она совсем без мебели. Нам бы за нее получать хотя бы пятьдесят тысяч...

– Сколько? Я буду платить вам двести!

Лена как-то сразу обмякла, плечи ее опустились, а лицо просто запылало. Видно было, что этот разговор ей давался нелегко.

– Вы это серьезно? – спросила она.

- Вполне. И это даже хорошо, что в ней нет мебели.

- Но там есть стиральная машина...

- Вы мне очень нравитесь, Лена.

- Понимаете, у Лизы очень трудное финансовое положение, у нее такая драма... Она пока что будет жить у меня.

- Мне кажется, я в вас влюблен.

- Вы не представляете себе, как она обрадуется. Если, конечно, вы не шутите и настроены серьезно.

- У вас такие глаза, Лена, такие губы...

Она закрыла глаза, грудь ее вздымалась.

- Максим, вы почти каждый день покупаете у меня цветы. Роскошные букеты. Вы уже расстались с вашей девушкой или еще только собираетесь это сделать? Или я нужна вам для коллекции?

Она взглянула на меня вдруг неожиданно смело, словно прострелила меня.

- Я не имею к этим букетам никакого отношения, - сказал я. - Просто выполняю поручения.

Она не поверила мне. Улыбнулась краешком губ.

- Знаете, Макс, в вас есть что-то такое... Не знаю даже, как сказать. Вы не такой, как все. Полный тайн.

- Я могу посмотреть квартиру?

- Когда, сейчас?

– Почему бы и нет?

– Конечно! Пойдемте!

Мы вышли, не дождавшись десерта. словно нам двоим не терпелось поскорее оказаться на свежем холодном воздухе.

Было темно, горели фонари, мокрый снег летел прямо в лицо. Лена взяла меня под руку. Я прижал ее руку к себе крепче. Будь моя воля, мы отправились бы напрямик ко мне домой. Но мы зашагали куда-то в темень улочек, пригибаясь от порывов холодного ветра и прижимаясь друг к другу.

Подошли к дому, вошли в подъезд, поднялись на лифте, вышли на ярко освещенную лестничную площадку, которая одним своим реалистичным, будничным видом остудила мое желание и привела в чувство. Мои смелые фантазии улеглись.

Я снова был прежним, четко знающим правила поведения в приличном обществе Максом. Правда, куда более счастливым, чем в то же вечернее время, но сутками раньше. Ведь я зацепил своими чувствами чувства Лены. И если буду осторожен и мил, то, возможно, когда-нибудь я заполучу ее к себе, в свой мужской мир. Как добычу, как прекрасную добычу.

– Думаю, сначала мне надо познакомить вас с Лизой, хозяйкой квартиры, – сказала Лена, надавливая на кнопку звонка и то и дело оглядываясь на меня, словно проверяя, не призрак ли я. – Как я уже сказала, она сейчас живет у меня.

Послышался звук отпираемых замков, двери одна за другой открылись, и я увидел молодую заспанную женщину, блондинку с огромными голубыми глазами, которые нисколько не портили ее, как это бывает иногда у блондинок, нет, напротив, ее взгляд был наполнен драгоценным интеллектом. Уж не знаю, как я это понял, но сразу проникся к Лизе уважением и даже поклонением. Возможно, причиной такого тихого восторга перед этой женщиной была заметная далеко не всем печать трагедии на всем ее облике.

– Лиза, вот, познакомься, это Макс, он хочет посмотреть твою квартиру, – нервно улыбнулась Лена.

Лиза, вся в домашнем, как-то сразу подобралась, кивнула головой и принесла ключи.

Мы вошли в ее квартиру под тихие восторженные возгласы Лены, смысл которых я пока не улавливал. Она говорила что-то о том, что электричество – колоссальное достижение человечества и что как же хорошо, когда есть свет. Включая повсюду свет, Лена с видом хозяйки показывала мне квартиру. Ее поведение напомнило мне беседу с одним начинающим и очень талантливым писателем, который, объясняя мне, зачем ему нужен литагент, сказал, что не может ходить по издательствам и сам расхваливать себя, что для него все эти хождения – нож острый, что ему проще написать еще один роман, чем предлагать себя, а литературным агентам рекламировать и предлагать на продажу творчество творческих людей куда проще. Вот и Лена, пусть сдержанно, но по существу обращала мое внимание на плюсы огромной и на самом деле хорошей квартиры своей подруги.

Лиза шла следом за нами и лепетала что-то об отсутствии мебели, о чем я уже был предупрежден.

Я понимал, что будь Лена попроще и воспитана где-нибудь в городских трущобах, то прямо в присутствии хозяйки принялась бы рассказывать историю ее жизни, поведала бы в красках о том, что пришлось пережить бедняжке, раз она вынуждена сдавать свою квартиру. Объяснила бы и факт отсутствия мебели, которая была наверняка вывезена из квартиры не так давно и представляла собой, судя по ситуации, большую ценность. Иначе зачем было ее вывозить и тратиться на перевозку? Значит, был антиквариат или дорогая европейская мебель. К тому же я сразу обратил внимание на запах в квартире. Это был хороший запах, так пахнут чистые и богатые дома.

– Я согласен, готов внести оплату за квартиру прямо завтра. За полгода вперед, устроит?

Лиза взглянула на Лену, как бы спрашивая ее, возможно ли это, ведь, сдавая квартиру, она все это время будет проживать, как я понял, у Лены.

– Но это... большие деньги... – выдавила из себя Лена, словно сомневаясь, готов ли я на самом деле заплатить сразу миллион двести тысяч рублей.

– Деньги у меня имеются, – сказал я.

Конечно, в глазах обеих женщин тем вечером я выглядел несколько нереально, представлялся им, я думаю, мошенником. Уж слишком быстро все решалось, причем весьма для них удачно.

– Вот, Лиза, забыла тебе сказать... Макс готов платить за твою большую, – она подчеркнула размер жилища, – квартиру двести тысяч рублей.

– Сколько? – Лиза испуганно глянула на меня. – Вы шутите? У вас такая большая семья? Вы уж извините, что я задаю вам вопросы, но я же должна знать, кому я буду сдавать квартиру.

В эту минуту я вдруг увидел в Лизе не только жертву обстоятельств, но и сильного человека, подумал, что, возможно, не так давно она жила другой жизнью и обладала деловой хваткой. И один бог знает, что же с ней случилось, что так подкосило ее, что она вынуждена была сдавать свое жилье и жить у подруги.

– У меня нет семьи, и я намерен здесь проживать один. Вся необходимая мебель у меня есть, и я готов ее привезти. Обещаю соблюдать порядок, не портить полы и стены. Уверяю вас, Лиза, я буду хорошим квартирантом.

– Что ж, если мне все это не снится, то я рада. Вы можете завтра перевести деньги на мой счет?

– Без проблем. В сущности, я мог бы сделать это прямо сейчас, по интернету.

Меня пригласили в дом, усадили в гостиной за стол, где я с помощью своего телефона сделал перевод на банковский счет Елизаветы Васильевны Гусаровой.

Пока я занимался денежными делами, Лена заварила чай и накрыла на стол. И в какую-то минуту я почувствовал себя счастливым. Я находился среди нормальных, адекватных и поистине прекрасных женщин. Они заслуживали счастья, любви. Они были созданы для семьи, и когда-нибудь у них все наладится, я в этом нисколько не сомневался. Лена так и вовсе когда-нибудь станет моей женой, размышлял я, и родит мне детей. Мы переедем за город,

и у меня начнется совершенно другая жизнь. Но что делать с Вероникой?

Мысленно я вошел к ней в спальню и свернул ей шею. Вот так.

7. Лена

– Ты помогла мне, а я буду помогать тебе, – сказала мне Лиза, едва за Максом захлопнулась дверь. – Он очень странный. Вот что я тебе скажу. Возможно, маньяк. Будь с ним осторожна. Он не просто так решил снять именно мою квартиру. Все дело в тебе.

– Во мне?

– Ну конечно! Ему понравилась ты, квартира напротив твоей, а это значит, что он сможет видеть тебя часто. Мало того что он встречается с тобой в твоём магазине, так теперь еще сможет заглядывать к тебе по-соседски...

– Постой, но почему ты решила, что он маньяк? Может, я ему просто понравилась?

– Да потому, что он отвалил мне такие деньжищи за квартиру! И это при том, что он, как ты сказала, и без того снимает квартиру. Наплел что-то про загородный дом. Деньги у него есть, это так, но не станет же он их тратить бездумно! Значит, у него есть какой-то план. И план этот – нехороший.

– Да почему?!

– Все дело в цветах, в этих дорогуших букетах! Кому он их возит? Или приносит? Словом, дарит?

– Что ты предлагаешь?

Мы выпили уже весь чай и съели все печенье. Переместились в кухню за стол, я достала сигареты.

- Говорю же – я готова тебе помочь. Надо проследить за ним. Вот и все!

- Но как? Нанимать частного детектива?

- Глупости. Я сама за ним прослежу.

- Но он же на машине.

- Понимаешь, он сделал перевод на мое имя, а это значит, что я теперь смогу с помощью своей знакомой в моем банке узнать его фамилию и адрес! Приеду туда и буду следить. Все выясню, и тогда уже решишь, стоит тебе с ним встречаться или нет.

Лизу было не узнать. Еще пару дней тому назад она выглядела потерянной и обессиленной, а теперь глаза ее горели, чувствовалось, что она переполнена энергией. Конечно, все эти разговоры о Максе и слежке за ним меня не очень-то впечатлили, однако эта тема могла отвлечь Лизу окончательно от переживаний, связанных с изменой мужа и предательством подруги. А это было важно, учитывая ситуацию. Физическое здоровье – это, конечно, хорошо, но вот душевное – поважнее будет.

- Ну, хорошо... проследи.

Почему бы и нет? Пусть последит. И хотя что-то подсказывало мне, что будоражащая нас тема с покупкой Максом цветов рано или поздно будет раскрыта и окажется, что никакой Макс не маньяк и что эти цветы предназначались кому-то очень нейтральному, вроде какой-нибудь тетушки-актрисы или что-нибудь в этом роде, все равно было любопытно.

- Нет, какой-то он все-таки неестественный, что ли, странный...

Лиза собрала грязную посуду и сложила в посудомоечную машину, масло и колбасу отнесла в холодильник. Села напротив меня с задумчивым видом.

- Тебе не кажется, что время несется вскачь? Летит! И события нагромождаются одно на другое?

- Кажется, – согласилась с ней я. – Но разве это так уж плохо?

- Говорю же – подозрительно. А что, если этот Макс каким-то образом связан с Осей? Или с Валентиной?

- Лиза, что ты такое говоришь? Макс покупает у меня цветы давно!

- Но и роман Оси с Валентиной длится тоже долго. Вдруг вся эта история с арендой моей квартиры закончится тем, что напротив нас поселится Валентина с моим бывшим мужем, и они станут меня изводить?

- Лиза, прошу тебя, успокойся...

Вот только недавно, несколько минут тому назад, глаза ее горели огнем, она была полна желанием действовать, а теперь этот отсутствующий взгляд, этот ступор, в который она впала? Лиза балансировала между душевным равновесием и пропастью, в которую в любой миг могла рухнуть...

Я подошла и обняла ее. Заглянула в глаза. Они наполнились слезами.

- Ну-ну, успокойся... Ты же сама понимаешь, что это бред. Макс – это моя история, понимаешь? А Ося – твоя история. Но она в прошлом. У тебя началась новая жизнь.

- Ты не представляешь себе, Лена, как я благодарна тебе за все, что ты делаешь для меня. Послушай, может, мы как-нибудь вдвоем возьмем кредит, купим помещение и откроем цветочный магазин?

- Кредит – нет, я не хочу. Я только недавно расплатилась за квартиру.

- Да-да, я сказала глупость. Я и сама только что выплатила все до копейки банкам. Но что я могу сделать для тебя? Ведь тех денег, что сегодня перевел твой Макс, недостаточно...

- Знаешь, я уже тоже начинаю подумывать о том, чтобы все-таки взять в аренду если не магазин, то хотя бы павильон. Иначе я со своими страхами перед

кредитами так никогда и не открою магазин.

– Ты серьезно? Аренда? А я даже боялась тебя спросить об этом... Павильон, торговый павильон неподалеку от метро, здесь, я прочла объявление и даже зашла туда... Пятьдесят пять тысяч в месяц. И я готова уже завтра заплатить за полгода вперед!

– Ну вот, я вижу блеск в твоих глазах! Аренда? Что ж, давай завтра пойдем, посмотрим...

– Нет, это ты пойдешь и посмотришь. Ты все равно лучше меня во всем этом разбираешься. А я займусь твоим Максом. Согласна?

Я улыбнулась. Нежнейшая нервная ткань, из которой была соткана Лиза, то воспалялась, то успокаивалась. Бедная девочка. Как же мне было ее жаль.

– Да, конечно, я согласна. Но как я найду этот павильон? Это объявление?

– Я сорвала объявление, у меня есть номер телефона хозяина. Позвонишь и все узнаешь.

Мы поговорили еще немного, наметили план действий на завтрашний день и легли спать. Мое свидание, обещавшее быть романтичным, закончилось такой вот деловой нотой, заключением договора между Лизой и Максом и даже денежным переводом! Все складывалось волшебным образом и выглядело просто фантастически! Но я знала, чувствовала, что за этим везеньем непременно последует что-то такое, что сильно огорчит меня или Лизу. Так уж устроена жизнь, и редко когда случается, что полоса счастья и радости не обрывается на самом пике.

Уже засыпая, я вдруг подумала о том, что мой гость, проведя в моей квартире почти целый вечер, так и не спросил о корзине с ландышами. Догадался ли он, что я ее продала? И если догадался, то простил ли меня, что я нарушила свое слово и поступила таким некрасивым образом с его подарком?

В одиннадцать я уже бодро шагала по заледеневшей Делегатской улице к дому, где был зарегистрирован (согласно его данным в банке) Шитов Максим Иванович. Он же Макс. Сведений о его фактическом адресе у меня по понятным причинам быть не могло. Мы с Леной знали с его слов, что он обитает тоже где-то в этом районе, поблизости от станции метро «Цветной бульвар». Снимает квартиру. Однако кто же проживает в той квартире, где он зарегистрирован? Вряд ли он зарегистрирован в съемной квартире.

Что ж, решила я, постараюсь хотя бы с помощью соседей разузнать что-нибудь об этом Шитове. Кто такой, чем занимается и все такое. Соседи, как правило, знают многое.

Я, проигнорировав лифт, поднималась в поисках квартиры под номером четыре, уверенная, что это второй-третий этаж, и была удивлена, когда эта квартира оказалась лишь на четвертом этаже! Оно и понятно, жильцы этого дома скупали соседние квартиры, расширяя таким образом собственные владения.

Находясь между третьим и четвертым этажами, я услышала звуки, похожие на всхлипы. Остановилась, прислушалась. Плакала женщина. Где-то наверху. На мне были кроссовки, что давало мне возможность двигаться бесшумно. Я осторожно поднялась еще на несколько ступеней и увидела ноги, длинные худые ноги, поперек лестничной площадки. Кто-то лежал на холодном бетонном, выложенном веселой желтой плиткой полу и не двигался. Плач доносился откуда-то из глубины пространства, откуда, я не могла точно определить. Что-то подсказывало мне, что надо бежать. Сломая голову. Просто улететь птицей оттуда. Но любопытство, как это обычно бывает, не позволило действовать рассудочно. К тому же, подумала я, может, с кем-то случилось несчастье и требуется помощь. Вот такие мысли закружились в моей голове, когда я сделала еще один шаг вперед. Прижавшись к перилам, я, как мне тогда показалось, все еще оставалась невидимой для плачущей где-то совсем рядом женщины.

– Третий... – донеслось до меня, и снова послышалось всхлипывание и даже подвывание.

Я подняла голову, подтянулась и заглянула вверх. Картина, которую я увидела, потрясла меня.

Прислонившись спиной к стене, рядом с полураскрытой дверью с табличкой «5» сидела молодая женщина, полуголая, в распахнутом темно-вишневом шелковом халате. Черное кружевное белье мало что прикрывало. Растрепанные волосы, розовое мокрое лицо, странный взгляд – все это указывало на то, что женщина не в себе. Да и неудивительно, если головой к ней и ногами к лифту лежало тело молодого человека в расстегнутой зимней курточке и джинсах. Белый свитер в левой части груди был красным от крови.

Он был убит. Сомневаться в этом не приходилось. Чья-то жестокая рука лишила жизни этого молодого парня. И я не понимала, почему мои ноги словно парализовало, я не могла пошевелиться, будто вошла в ступор.

Какими были первые мои мысли? Предположения, конечно. Первое – это сделала девушка в вишневом халате. Второе – его убил кто-то другой. Третье – он был застрелен. Четвертое – он был зарезан, заколот, о чем свидетельствовала рана на груди.

Но одно я знала наверняка – он был точно мертв. Иначе девушка бы действовала, вызвала бы «Скорую», полицию.

Возможно, она так и сделала и с минуты на минуту здесь могли появиться врачи и полицейские. Вроде бы мне ничего не грозило. Подумаешь, проходила мимо. Но, с другой стороны, если бы меня спросили, к кому я приходила сюда, в этот подъезд, то что бы я ответила? Что пришла сюда по адресу, собрать по соседям информацию о Максиме Шитове? А кем является для меня Максим Шитов? Да никем.

Что-то отвлекало меня от размышлений. Что-то мешало, и я никак не могла понять, что именно. Но в какой-то момент это нечто попало в поле моего зрения: бутылка! Бутылка виски, вернее, из-под виски «Джек Дэниэлс» стояла прямо у порога квартиры. Вот если бы она могла говорить, подумала я, окончательно потеряв всякую способность мыслить серьезно, то рассказала бы многое о том, что же произошло здесь, на этой лестничной клетке.

Вопросы хаотично рождались сами по себе. И первый, более-менее внятный: почему эта девушка ничего не предпринимает, ведь ясно же, что она не вызвала полицию, поскольку я простояла на лестнице почти десять минут, и никакого движения не произошло. Да и телефона в руке девушки я не заметила. Если бы

она позвонила и сообщила об убийстве, здесь давно бы уже была полиция. Хотя, может, сегодня в городе урожайный день на убийства и полицейские заняты другими кровавыми историями?

Немного успокоившись, девушка попыталась подняться. Держась за стену, она с трудом выпрямилась и обвела пространство вокруг себя мутным взглядом.

– Мальчик мой... – икнув, прошептала она и снова опустилась на пол, подползла на коленях к парню на полу и обняла его, прижалась к нему щекой. – Ты третий, знаешь? Да мой же ты хороший...

Потом она как-то резко встала и, путаясь в полах халата, наступая на них, схватила руками куртку парня за ворот и потянула на себя. Труп сдвинулся с места.

– Ну, давай же... Тебе нельзя здесь, понимаешь? Сашенька, давай, мой хороший... Что же делать? Что? Эта скотина Ефим не отвечает. Открестился от меня. Испугался. Говорю же – скотина!

Она тащила труп в квартиру.

На плитках пола от тела оставалась широкая кровавая дорожка. Как в кино.

Наконец, труп был благополучно втянут в квартиру, дверь захлопнулась.

Что ж, подумалось мне, самое время подняться и позвонить в эту самую дверь. И спросить, как бы между прочим, где и как мне, дамочка, найти вашего соседа Шитова.

Во-первых, дамочка может и не открыть дверь. Во-вторых... Никаких «во-вторых» нет и не может быть. Первое, что эта особа сейчас сделает, это наберет в ведро теплой воды, сыпанет туда порошка и, вернувшись на лестницу, примется отмывать полы. И только после того, как кровь будет смыта, она запрется, и уже надолго. Сначала протрезвеет, потом будет думать, как ей поступить лучше. И ахнет, когда поймет, какую же ошибку совершила, что не вызвала вовремя «Скорую» и полицию.

Я подождала еще какое-то время, надеясь, что мои предположения окажутся верными и девушка выйдет с ведром и тряпкой. Однако прошло пять минут, потом еще пять, но ничего не происходило. Я уже не знала, что делать. Самое разумное было бы уйти. Но сделать это будет не поздно и после того, как я хотя бы позвоню в квартиру номер четыре. Вряд ли я застаю там самого Шитова. Даже если предположить нелепицу, что он проживает здесь, то ничего страшного в нашей встрече не будет. Безусловно, он узнает меня, и я скажу ему, что хотела уточнить некоторые нюансы нашей арендной истории. К примеру, расскажу ему, как пользоваться бойлером на случай отключения горячей воды. Скажу, что шла мимо и решила зайти. Или придумаю, будто бы в этом же доме живет моя приятельница, которая знакома с ним. Да мало ли что можно придумать, чтобы как-то оправдать свой визит?!

Да и состоится ли наш разговор, если он, заглянув через мое плечо, увидит залитую кровью лестничную площадку. Уж он-то наверняка знаком со своей соседкой, а потому не сможет не среагировать. К примеру, если бы я вышла из своей квартиры и увидела жирный след крови, тянущийся к двери Лены, разве не обратила бы я на это внимания?

Словом, открыв сумку и достав оттуда два полиэтиленовых пакета, которые ношу с собой аккуратно сложенными для покупок, и обмотав ими кроссовки, чтобы случайно не запачкаться кровью и, конечно же, не наследить, я сделала несколько шагов по направлению к квартире Шитова. Позвонила. Рука моя дрожала. Я так и не поняла, обрадовалась я или, наоборот, расстроилась, когда мне никто не открыл. С одной стороны, мне не придется объяснять свой визит Шитову, с другой – я не смогу увидеть реакцию Шитова на происшествие, связанное с его соседкой, лишусь зрелища. Последняя мысль была постыдной.

Я, стараясь не наступать на кровь, приблизилась к двери под номером пять и позвонила. Как я и предполагала, мне не спешили открывать. Тогда я позвонила еще раз. И услышала шаркающие шаги. Я понимала, что меня разглядывают в глазок.

– Откройте, пожалуйста, я к Шитову, – сказала я не очень громко, подумав, что будет лучше, если меня не услышат соседи сверху или снизу. Мало ли.

Дверь открылась, и я увидела знакомую мне уже девушку. Глаза ее были испуганными.

Я, стараясь вести себя естественно, указав на кровь на полу, спросила:

– У вас здесь что-то произошло... Кровь... Откуда? Может, вам нужна помощь?

Она усмехнулась. Покачала головой.

– А вы не боитесь задавать мне подобные вопросы? – вдруг спросила девушка, и я поняла, что она, вероятно, несколько протрезвела.

– Ладно, это не мое дело, – я, ладонью как бы отодвигая от себя воздух, показала ей, что это меня не касается. – Вы не знаете, где Максим?

– Где-где? – передразнила она меня и ответила наигрубейшей фразой в рифму.

– В смысле? – я, удивляясь собственной реакции, покраснела, словно меня оскорбительные слова в адрес ее соседа задели за живое. Как если бы, к примеру, он был моим парнем, и мне сейчас собирались рассказать о нем что-то непотребное.

Девушка покачнулась, и это дало мне возможность разглядеть часть квартиры. И то, что я увидела, потрясло меня.

Цветы. Их было много, очень много. По сути, вся квартира была заставлена букетами с цветами. И эта яркая, пестрая цветочная картина мгновенно соединила Шитова с этой девушкой и убитым парнем. Получалось, что теперь и мое присутствие здесь было привязано к Шитову этой кровавой дорожкой на желтых плитках пола. Он покупал эти цветы, в этом я уже не сомневалась. И причина, которая заставила меня прийти сюда, тоже была связана с этими странными букетами.

Похоже, подумалось, я куда-то вляпываюсь. Мне бы убежать и забыть обо всем, что я увидела, но мысленно я уже перенеслась в цветочный магазин и с жаром делилась с Леной своими впечатлениями о случившемся. Как она отреагирует? Скажет, что я правильно сделала, что сбежала. Или же, произнеся это вслух,

подумает, что я струсил, раз сбежала, ничего не выяснив про Шитова? Нет-нет, она так не подумает. Она постарается поставить себя на мое место и поймет, что это было единственно правильным решением.

– Я бы на твоём месте бежала отсюда куда подальше, – сказала девушка, покачиваясь, словно маятник. – А ты, я вижу, дура...

Она как-то нехорошо улыбнулась, показывая мне на мои импровизированные «бахилы» из пакетов.

– Неужели так захотелось увидеть Макса, что ты не побоялась и позвонила ко мне?

– Может, вызвать полицию? – предложила я.

– Ты не самоубийца случайно? Зачем лезешь во все это?

– Я видела... парня... Он мертв?

– Мертвое не бывает.

– Кто его?

– Автограф не оставили.

– Может, тебе следует вымыть полы?

– А я и собираюсь. Тебе чего надо от Макса-то?

– Не могу никак его найти. Он же здесь раньше жил...

– Это было давно и неправда. Советую тебе держаться от него подальше.

– Почему?

– Что, влюбилась? – она насмешливо скривила рот. – Ну-ну. Выпить хочешь?

Я пожалала плечами. Меня приглашали войти, и сейчас от моего решения зависело, смогу ли я что-нибудь узнать о Шитове или нет.

В какой-то момент я поняла, что со мной происходит. Это началось еще тогда, когда я узнала об измене Оси и Валентины, когда жизнь моя потеряла всякий смысл, когда мне нечем было дышать, когда я поняла, что нахожусь в одном шаге от небытия... Возможно, у меня тогда поехала крыша, я никак не могла совладать со своим рассудком и не понимала, как дальше жить, о чем думать... Слишком уж все было больно, невыносимо. В таком состоянии человек способен совершать странные поступки. Возможно, это состояние вернулось ко мне в тот момент, когда я увидела труп на лестнице. Что, если эта девушка находится сейчас в таком же состоянии, что и я тогда. Она растеряна, напугана, чувствует себя в каком-то другом измерении и не соображает, что делает. Если это не она убила парня, значит, ее подставили. Пройдет несколько часов или, если повезет, дней, и она окажется в следственном изоляторе, эта хорошенькая молодая женщина, достойная того, чтобы ее осыпали цветами, будет подозреваемой в убийстве.

Если же это она убила парня, да еще и на пороге своей квартиры, то, может, она действовала, обороняясь? Может, этот ее друг, приятель, любовник пришел, чтобы убить ее, а она выстрелила в него? Или схватила кухонный нож и пырнула его?

В такое мне верилось меньше всего. Конечно, это сделала не она.

– Так, слушай, где ведро, тряпка, хлорка? Я могу тебе помочь. Думаю, ты сейчас не в том состоянии, когда можно принимать какие-то правильные решения. Это счастье, что на этаже всего две квартиры, в доме есть лифт и ничтожно мала вероятность того, что на этаже появятся посторонние. Но все равно, мы должны спешить. Так где ведро?

Думаю, я выглядела очень странно в своих «бахилах», которые сильно мешали мне двигаться, моя полы. В желтых резиновых перчатках я отмывала успевшую подсохнуть кровь с желтых же плиток пола. В подъезде сильно запахло хлоркой от щедрой порции влитого в ведро «Доместоса».

Девушка, которую звали Вероникой, стояла, прислонившись к стене, и молча наблюдала за моей работой. Наконец, когда все было вымыто и я приводила

себя в порядок в ванной комнате, Вероника предложила мне кофе.

Я же все это время, словно находясь под гипнозом и потеряв на время чувство страха, в ожидании кофе осторожно перемещалась по квартире в поисках трупа.

– Как у тебя много цветов... Поклонник? – спросила я громко Веронику, находясь от нее на расстоянии двух комнат. Аромат свежих и не очень свежих цветов смешался с ароматом горячего кофе. Затем к этим запахам примешался запах сигареты.

Я вернулась в кухню и села напротив хозяйки. Обняла ладонями горячую чашку с кофе.

– А где... этот человек? – я посмотрела Веронике прямо в глаза.

– Ты не понимаешь... Он – третий. Первого звали Анатолий, он так, альфонс, противный мужичонка, прилипчивый, как леденец... Он мне не нравился, зато всегда был под рукой. Ходил мне за сигаретами, продуктами. Правда, покупал все на мои деньги. Вернее, это были деньги Ефима. Но только Ефим слился, когда узнал, что у меня тут происходит.

– Вероника, я ничего не поняла. Ты о ком вообще?

– Говорю же, первого звали Анатолием. Он был моим любовником. Говорю же, сладкий такой, симпатичный, ему бы в кино сниматься, а это его снимали. Женщины. Он был как проститутка, жил с ними, со мной – за деньги. Но был хорошим любовником, я бы даже сказала – профессионалом. С такими связываются исключительно от скуки, от тоски. А еще он в душу не лез. Вот ты увидела цветы и тебя любопытство разбирает, кто да что, так? А вот Толик ни о чем не спрашивал. Он любил вкусно поесть, кстати говоря, он и сам очень хорошо готовил. Ну и выпить был не дурак, однако без фанатизма. И вот возвращаюсь я домой (ходила за вискарем в соседний супермаркет), а он вот так же... лежит здесь... С пулей в груди. В подъезде – тишина. Утром, да и вообще до вечера в нашем подъезде никого нет, все работают, деньги зарабатывают. Баб своих за город вывезли, а эти квартиры – какие ремонтируются, какие пустуют, а в других живут, да появляются в них только вечерами. Думаю, его убили пистолетом с глушителем. Я-то в жизни таких не видела, только в кино. Но точно застрелили. Думаешь, я первый раз подъезд

мою? Вот такая же лужа крови, все так же, как и с Димой. Дима – это уже другой мой знакомый, ну такая душка был, он музыкант из симфонического оркестра. Мой одноклассник. Случайно встретилась с ним на улице, узнали друг друга, пошли, посидели, поговорили, потом он на гастроли уехал, вернулся, позвонил мне, мы с ним встретились. Ну и закрутилось. Он часто бывал у меня, и когда находил вещи Толика, спрашивал, чей халат или тапочки, бритва, лосьон... Я говорила, что была замужем, врала, короче. Вернее, не совсем врала... Но все это к делу отношения не имеет. У нас с ним была почти любовь. Почему почти? Да потому что он тоже был какой-то фальшивый, что ли... Он слишком много разговаривал по телефону, выйдет из квартиры, поднимется на пролет и говорит, говорит... Мне кажется, что он с кем-то выяснял отношения. Либо с женщиной, которая по нему тосковала и которой он наверняка что-то наобещал, или кому-то задолжал деньги. Он пытался и у меня занять кругленькую сумму, да я ему отказала.

– Постой... Куда ты дела Анатолия?

– А ты как думаешь?

Вероника с этими словами поднялась, махнув мне рукой, предложила следовать за ней. Сердце мое колотилось о грудную клетку. Вероника подвела меня к окну, распахнула его, высунулась глубоко наружу.

– Вон! Видишь?

Она отпрянула от подоконника, и я только тогда заметила на его белой плоскости розоватый мазок.

– Надо же, я же вытирала... Значит, просмотрела... – сокрушалась Вероника.

Я выглянула в окно и увидела внизу, в густых кустах тело.

– Его звали Саша, – сказала Вероника.

– Хочешь сказать, что ты и Анатолия тоже... туда?

- А что делать-то? Ночью подгоню машину и вывезу его за город на свалку. Там одно место такое есть... но тебе это не нужно знать... Их никто не найдет.
- Ты сказала, что этот парень - третий.
- Диму тоже застрелили. И ведь прямо на моем пороге. Это меня так наказывают. Знаешь, что я тебе скажу, когда у человека с мозгами не в порядке, что с него взять?
- Кто тебя наказывает? Кто их убивает?
- Тебе этого не надо знать. Я и так много рассказала. Но не думаю, что ты пойдешь и заявишь на меня в полицию. Ты не такая. Я же вижу.
- А ты не боишься, что тебя арестуют, повесят на тебя все эти убийства?
- Боюсь, конечно. Но еще больше я боюсь, что и меня вот так же, из пистолета с глушителем. Вот.
- Я могу тебе чем-нибудь помочь?
- Чем?
- А эти цветы откуда? Кто тебе их присылает? И зачем так много?
- Вот и я тоже спрашиваю себя, зачем столько цветов? Но это не у меня нужно спрашивать...
- Это Шитов? Максим?
- Вероника посмотрела куда-то сквозь меня, словно прошила своим острым взглядом.
- Тебе пора идти. Спасибо за помощь.
- А кто такой Ефим?

- Он слился. Поэтому это уже не важно.

- Ты не знаешь, где я могу найти Макса? Мне нужно с ним встретиться.

- Ты бессмертная, что ли? Иди. С Максом ей нужно встретиться... Забудь ты про него. И про меня тоже.

Она меня почти вытолкала, нежно так. И взгляд у нее при этом был грустный-грустный.

Совершенно сбита с толку, потрясенная услышанным и увиденным, я спустилась вниз, вышла на свежий воздух и поежилась от холодного ветра.

Что это было? Кто такая Вероника? Трупы... Три трупа, три убийства. Куда я вляпалась?

И тут, вспомнив, что я все еще в «бахилах», я сорвала их с ног, скомкала и выбросила в кусты. На противоположной стороне дома, тоже в кустах, коченело тело молодого парня. «Его звали Саша».

А может, мне все это приснилось. Это же полный бред! Все смешалось в голове: Шитов, букеты, Вероника...

Я бросила последний взгляд на какой-то очень тихий, словно вымерший, дом и быстрым шагом бросилась от него прочь.

9. Максим

Теперь она стала собирать фиалки. Она составляла из них огромные букеты, которые прижимала один за другим к груди... Потом набросилась на гвоздику и стала рвать и распустившиеся цветы, и бутоны, связывая гигантские снопы белой гвоздики, напоминавшей чашки с молоком, и красной гвоздики, походившей на сосуды с кровью. Потом Альбина совершила набег на левкой,

ночные фиалки, гелиотропы, лилии...

Э. Золя

Я мог бы ее отравить, скажем. Подсыпал бы ей в бутылку с виски отраву, и все, всем было бы от этого легче.

Или выбросил бы ее из окна, как ненужную вещь. Нет, не так. Как опасную змею, избавился бы от нее, чтобы она не укусила никого.

Конечно, проще всего было бы дать ей денег, чтобы она уехала. Но тогда страдал бы другой человек, близкий мне человек, чего я не мог допустить.

В сущности, он страдал бы в любом случае. Если бы Вероника умерла или уехала. Ему без разницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/danilova_anna/cvetok-predatel-stva

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)